

Е.М. Сергеев

Взгляд сквозь годы. Воспоминания

(Продолжение. Начало в ИГ1-2/2016.)

Евгений Михайлович СЕРГЕЕВ (1914–1997) — крупнейший советский и российский ученый в области грунтоведения, инженерной геологии и охраны геологической среды, талантливый педагог Московского государственного университета, выдающийся организатор геологической науки, академик АН СССР и РАН, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР, участник Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

По инициативе Е.М. Сергеева в 1978 г. в издательстве «Наука» был открыт академический журнал «Инженерная геология» (сейчас существующий под названием «Геозкология: инженерная геология, гидрогеология, геокриология»), главным редактором которого он являлся до 1987 г.

На страницах нашего журнала перепечатывается книга Е.М. Сергеева «Взгляд сквозь годы. Воспоминания», вышедшая в 2014 году в издательстве «ГЕОС» под редакцией В.И. Осипова (составители — О.Н. Еремина, Н.Е. Сергеева). Основой для нее послужили книги ученого «За строкой фронтового письма» (М.: Воениздат, 1985), «Московский университет: взгляд сквозь годы» (М.: Изд-во МГУ, 1992), а также его мемуары, не издававшиеся ранее. В публикации приводится правдивый рассказ о жизненном пути академика, неразрывно связанном с историей нашей страны.

Глава 12 От Максимовки до Харькова. В боях под Шевченково

Личный состав полка ночью на машинах перебросили в село Милорадово, что северо-восточнее Полтавы. Из полученной ориентировки выяснилось, что здесь, на восемнадцатикилометровом участке фронта, вообще нет наших частей. Простая арифметика подсказывала, что прочно закрыть эту брешь силами одного лишь нашего полка, имевшего тогда в своем составе около трехсот бойцов и командиров да еще влившихся в него по дороге трех десятков милиционеров, невозможно. Получилась бы редкая цепочка стрелков, удаленных один от другого на 50–60 метров. Значит, основные силы полка надо было сосредоточить на каком-то одном узком участке.

Командир полка, оценив обстановку, решил, что если гитлеровцы пойдут на север или северо-восток, имея конечной целью Харьков, то они обязательно двинутся по дороге на Милорадово. На этом направлении он и приказал готовить оборонительный рубеж, выдвинуть сюда и приданную нам батарею «сокращенного состава» — две 76-миллиметровые пушки-трехдюймовки, которой командовал призванный из запаса младший лейтенант Мищенко, оказавшийся исключительно храбрым и грамотным командиром-артиллеристом. На окраине Милорадово

батарея оборудовали огневую позицию, с которой надежно простреливалась дорога, идущая на Полтаву.

Кроме того, майор Карапетян решил организовать группы конников, которые систематически появлялись бы на оголенных флангах полка, создавая видимость сплошной обороны. Это было тем более необходимо, что вражеские разведчики еще до нашего прихода побывали в Милорадово, они пошныряли по селу и, разграбив сельмаг, уехали, однако, надо полагать, наблюдения с этого района немецкое командование не сняло. Вот и пусть думают, что сюда прибыли значительные силы.

Несколько дней, отпущенных нам войной на спокойную жизнь, использовали для рытья окопов, ходов сообщения, оборудования командных пунктов, развертывания средств связи.

В первых числах октября фашисты на нашем участке перешли в наступление. Двинулись они по дороге от Полтавы. Впереди колонны, с небольшим отрывом от нее, ехала примерно рота самокатчиков. За ними — колонна крытых грузовиков, многие из которых тащили за собой пушки.

Свой НП Мищенко вынес вперед и левее дороги. И когда самокатчики приблизились к нему, приказал открыть огонь. Первые же снаряды разорвались в самой гуще врагов. До половины из них осталось лежать, остальные бросились врассыпную по полю. И тогда заговорили винтовки и пулеметы. От роты остались единицы.

Вражеские автомашины остановились, и из них стали выпрыгивать солдаты. Но тут батарея перенесла огонь на колонну. Три машины загорелись, а над разбегавшейся пехотой начала рваться шрапнель.

Вдруг нарастающее урчание моторов и лязг гусениц заставили всех насторожиться. Танки выползли слева из балки: один... три... восемь...

– Эх! – крикнул с досадой майор Карапетян. – Ведь у Мищенко нет ни одного бронебойного снаряда.

Как сразу же стало ясно, главной целью танков и была батарея. Они развернулись и двинулись прямо на нее, стреляя из орудий с коротких остановок. Наши артиллеристы под огнем сноровисто прицепили пушки к автомашинам, и батарея умчалась по дороге, ведущей к Великой Рублевке. Туда же после жестокого боя отошел и весь наш полк.

Новый оборонительный рубеж, перекрывавший врагу дорогу из Милорадово, также оборудовали на окраине села. Приступили к его строительству немедленно, можно сказать, с лихорадочной поспешностью. Выполняя приказание командира части, я остался у отрываемых окопов и до поздней ночи помогал бойцам готовить позиции.

До здания штаба полка добрался уже в глубокой темноте. Все усталые, спали прямо на полу. Прилег и я, нащупал какое-то подобие подушки и уснул. Во сне почувствовал, что «подушка» двигается. Естественно, старался ее не упустить, приспособлялся к ней как мог. А утром, когда проснулся, не смог сразу понять, почему все посмеивались надо мной. Взглянул в зеркало и понял: спал я на чьем-то сапоге – все лицо в грязи и ваксе. Едва успел отмыться – как снова бой.

Гитлеровцы на этот раз действовали более осторожно. Из-за поворота дороги, скрытого пригорком, выскочила группа мотоциклистов. Надо полагать, что перед ними была поставлена задача разведать положение в районе Великой Рублевки. А дальше все напоминало вчерашний бой: Мищенко подпустил гитлеровцев поближе, и батарея открыла по ним огонь. Только нескольким мотоциклистам удалось развернуть машины и удрать на полном ходу. Другие же, бросив мотоциклы, побежали вверх по склону и попали под огонь наших стрелков. По найденным у убитых документам мы установили, что против нас действует 29-я моторизованная дивизия. Полученные данные внесли какую-то ясность, но помочь нам, понятно, ничем не могли. И когда перед окопами появились до двух десятков вражеских танков, а за ними густые цепи пехоты, вновь пришлось отступать. На этот раз на северо-запад, к реке Мерла.

Поселок Колонтаев, в котором командир решил разместить штаб, оказался расположенным на высоком северном берегу реки Мерла, протекающей здесь в очень широкой болотистой пойме. Переправа через нее была довольно сложной – речку перегораживала дамба с тремя мостами. Охранявшие их саперы доложили, что все мосты заминированы и в соответствии с приказом будут взорваны при появлении перед ними противника.

– Как вы полагаете, товарищ майор, далеко еще

отсюда немцы? – спросил сапер-лейтенант у командира полка.

– Идут за нами по пятам, – ответил Карапетян. – Будут здесь с часу на час. Но идут они не с запада на восток, а с востока на запад. Наш полк переправится в Колонтаев и займет круговую оборону. Предмостную оборону с востока тоже берем на себя.

Командир полка приказал все машины, батарею и комендантский взвод отправить в Колонтаев, а остальным подразделениям полка, срочно оборудовав предмостную оборону, быть в готовности к отражению атак. И уехал.

Командиры подразделений поставили задачи подчиненным, стали разводить личный состав на отведенные участки, чтобы рыть окопы. Неожиданно прямо в наше расположение въехала и остановилась около дамбы открытая легковая автомашина «опель». В ней сидели два немецких офицера и водитель. Без команды поднялась стрельба, и все трое были убиты. К машине подошел мой однофамилец, комбат лейтенант Сергеев, недавно прибывший в наш полк. Вокруг столпились возбужденные необычным происшествием командиры и бойцы.

Сергеев передал мне портфель, обнаруженный в автомашине. В нем оказались документы, схемы, испещренные различными символами карты. Бегло просмотрев бумаги, понял, что на нас выскочили артиллерийские разведчики. Надо было немедленно доложить обо всем командиру полка, и я отправился в Колонтаев. Перешел через все три моста и подходил уже к окраине поселка, когда за спиной затрещали автоматы, раздались взрывы гранат...

Как потом выяснилось, пока Сергеев и бойцы его батальона толпились около автомашины, немецкие автоматчики, маскируясь в густом кустарнике, подобрались к ним и открыли огонь. Комбат и несколько красноармейцев были сразу убиты, остальные же бросились враспынную в поисках укрытия. А немецкие автоматчики уже бежали по дамбе, скосили охрану и захватили первый мост. С оглушительным грохотом вздыбился и рухнул средний, самый большой мост – саперы все же успели его взорвать. Вражеские автоматчики остановились перед разрушенным пролетом. Но на том берегу лицом к лицу с противником остались отрезанные от командования подразделения нашего полка. Там шла отчаянная перестрелка. Вот и все, что нам было известно.

Ночью, несмотря на усталость, никто в штабе не спал, переживая за судьбу батальонов. Неужели полк прекратил свое существование как боевая единица? Какова же была наша радость, когда к утру в Колонтаев с севера вошли батальоны во главе со своими командирами М.А. Кочетковым и Н.К. Поляковым. К ним присоединились остатки подразделения погибшего комбата Сергеева.

Оказалось, что, быстро разобравшись в сложившейся тяжелой обстановке, командиры решительно повели батальоны в атаку на засевших в кустарнике автоматчиков, выбили их оттуда и, пройдя несколько километров вниз по реке, в одном из поселков обнаружили рыбацкие лодки, на которых переправились через реку, а затем совершили марш на

Колонтаев. На это ушла вся ночь. В полку снова стало около трехсот человек, но этого было слишком мало, чтобы держать, по существу, чуть ли не круговую оборону – противника не было, кажется, только севернее нас.

Словом, проблемы, проблемы – и одна острее другой. А тут еще саперы, так и оставшиеся с нами, доложили, что гитлеровцы ночью работали на взорванном мосту: слышались стук топоров, голоса.

– Ясно, – сказал Карапетян. – Надо взрывать и третий мост. Кстати, почему он уцелел?

– Наверное, обрыв провода. Посмотрели бы на него – одни скрутки.

– Ну, это ваша забота. Вот что, Сергеев, поручаю это дело тебе. Делай, как сочтешь нужным: организуй или сам иди, но сегодня ночью третий мост необходимо взорвать – ведь фашисты от нас на расстоянии броска, а сил у них вдесятеро больше.

Было над чем задуматься. Мост – в нейтральной зоне, простреливался и нами, и противником. Обе стороны внимательно следили за тем, чтобы никто не появлялся не только на нем, но и на примыкавших к нему дамбах. Ночью враг то и дело пускал осветительные ракеты, вел профилактический огонь из автоматов.

Посоветовался с саперами, и решили идти на задание впятером: три сапера, знавшие систему минирования моста, боец из комендантского взвода для связи и я как командир, обеспечивающий выполнение приказа. Продумал, казалось бы, все до мелочей, и, как только стемнело, поползли вдоль дамбы. Рассчитывал оказаться на мосту к предполагаемому времени ужина у противника. Несколько раз с шипением взвивались осветительные ракеты. Мы замирали. Ракеты гасли, и наша группа снова ползла вперед.

Добрались до моста. Саперы нырнули под пролет, подсоединили к заряду другие проводники, и все мы, так же ползком, стали отходить обратно. Не знаю, то ли мы немного на шумели, то ли гитлеровцы что-то заподозрили, но они открыли огонь из автоматов, выпустили одну за другой несколько ракет. Им ответили специально на такой случай выделенные два ручных пулемета. Нам же оставалось только плотнее прижаться к земле и лежать не шевелясь между двух огней, дожидаясь окончания перестрелки.

Едва стрельба утихла, поползли снова. И только когда до ближайшего домика осталось 20–25 метров, поднялись и бросились к нему бегом. Отдышались. Саперы доложили, что для взрыва все готово, и, услышав «Давайте!», попросили меня спуститься в вырытый около дома окопчик. Сошел, присел на корточки.

Рвануло здорово! Рядом стали падать не только мелкие обломки, но и искореженные балки. Сначала – тишина, а потом – беспорядочная стрельба со стороны врага. Долго фашисты не могли успокоиться, – видно, в их планах этот мост играл не последнюю роль. Поблагодарив саперов за успешное выполнение задания, я отправился в штаб полка.

– Слышал, слышал, – остановил меня майор Карапетян, когда я приготовился отдать ему рапорт.

– Не знаю, как только стекла из окон не повывлетали. Похоже, что на взрывчатку саперы не поскупились. Теперь с этой стороны мы на какое-то время в относительной безопасности.

...Вот уже третьи сутки держал полк оборону у поселка Колонтаев. Все немного отдохнули, привели себя в порядок. Поднялось и настроение. Противник особой активности не проявлял, вяло перестреливался, не нанося хорошо окопавшимся бойцам какого-либо ущерба. Вот только опять у него появились минометы, и сразу мы начали нести потери.

Командир батареи Мищенко долго прикидывал, откуда же бьют эти проклятые минометы. И наконец, его внимание привлек одиноко стоявший на том берегу длинный полуразрушенный сарай.

– Кто-то там внутри шевелится, а наружу днем не выходит, – сказал он мне. – Неспроста это. Прощупаю-ка я эту рухлядь огоньком.

Вскоре заговорила его батарея. После нескольких выстрелов за рекой раздался сильный взрыв, и сарай разлетелся в щепки, – наверное, снаряд попал в хранившиеся там мины. Перестали беспокоить нас минометчики.

К вечеру в тот же день, не помню уж каким путем, пришла радостная весть: из Краснокутска к нам движется крупное пополнение. И действительно, ночью в штабе появился старший лейтенант Ибрагимов, который доложил майору Карапетяну, что привел почти укомплектованные подразделения численностью около тысячи человек, как он выразился – «новый 617-й стрелковый полк». Обрадованный Карапетян предложил Ибрагимову временно стать его заместителем, с чем тот немедленно согласился.

Все воспрянули духом. Я, просматривая списки, просто глазам не верил: никогда еще за время моего пребывания на фронте полк не был таким полнокровным. В соответствии с переданной Ибрагимовым документацией в полку теперь были полностью укомплектованы артиллерийские и минометные батареи, пулеметные роты в батальонах и все другие штатные подразделения. Но какое же наступило разочарование, когда выяснилось, что эти «штатные» подразделения существуют только на бумаге. Точнее, людьми-то они были обеспечены, но орудий, минометов, средств связи и прочей техники не имели. Винтовки – вот и все их оснащение. Но, как бы то ни было, боеспособность части возросла сразу в несколько раз.

А затишье на нашем участке продолжалось. Никто не тешил себя иллюзиями, что оно будет хоть сколько-нибудь продолжительным. По доходившим до нас скудным сведениям, было известно о дальнейшем продвижении немецко-фашистских войск на различных направлениях, в том числе и на юге страны. Так что мы усиленно готовились к отражению вражеских атак. Еще до 9 октября удалось выкроить время для того, чтобы написать домой лаконичное письмо: «Мои дорогие! С 13 сентября не выхожу из боев, но жив и здоров. Писать мне пока некуда. Как только появится устойчивый адрес

– сообщу. Напишите Шуру, что страшно соскучился по ней и дочурке. Целую всех крепко. Женья».

Едва успели вновь прибывшие подразделения подготовиться и занять оборонительные рубежи, уяснить свои задачи, как противник начал наступление на Колонтаев одновременно с юга и запада. Наступали 239-я и 294-я немецкие пехотные дивизии, поддерживаемые значительным количеством танков. Противопоставить врагу хоть мало-мальски соизмеримые силы мы не могли, и полк с тяжелыми боями вынужден был отходить сначала на Краснокутск, а затем на Богодухов. В почти непрерывных неравных схватках подразделения несли большие потери, люди смертельно устали. Вспоминается: отойдя к городу Богодухов, мы сразу же начали рыть окопы на его западной окраине. Почти вся ночь прошла в работе. Когда утром противник открыл массированный минометный огонь по нашим позициям, все укрылись в окопах, и только на одном из брустверов сидел, словно бы в задумчивости, человек. Им оказался ответственный секретарь партийного бюро нашего полка политрук А.А. Виннер, который крепко спал после тяжелого ночного труда и не слышал даже близких разрывов мин.

Война накатила на Богодухов внезапно, и большинство населения не успело эвакуироваться. Благодаря этому, в общем-то прискорбному обстоятельству я узнал, что Сироткин до войны успел закончить музыкальное училище, хорошо играет на пианино. Поздно вечером он неожиданно предложил:

– Составь мне компанию. Слышал, что в соседнем доме есть пианино. Очень хочется поиграть. Пошли вместе.

На деликатный стук в дверь откликнулись две маленькие седенькие старушки, обе в накинутых на плечи пуховых платках. Узнав о цели нашего прихода, пригласили в большую комнату со старинной мебелью и огромными фикусами у окон. Сироткин сел за инструмент, сосредоточившись, словно выступал с концертом перед большой аудиторией, заиграл что-то из классики, а потом перешел на импровизацию. Мы, все трое, слушали его как зачарованные. А сам Сироткин буквально преобразился: расправились нахмуренные обычно брови, широко открылись и заблестели оказавшиеся карими глаза.

Импровизированный концерт продолжался около часа, после чего исполнитель поднялся с круглого стульчика, посетовал, что устали нетренированные пальцы. На прощание гостеприимные взволнованные нежданном концертом старушки трогательно благодарили Сироткина за доставленную им радость, просили заходить в любой день и в любое время. Пообещали обязательно прийти завтра, не зная еще, что завтра Богодухов нам придется оставить.

На следующий день утром мы увидели у себя в штабе гостя – старшего лейтенанта, присланного от соседа слева. (Это было даже непривычно, что у нас есть сосед, по крайней мере для меня.) Старший лейтенант доложил Карапетяну, что их полк успешно продвигается на запад вдоль железной дороги,

убеждал майора поднять в атаку и нашу часть. Карапетян спокойно ответил:

– Имею приказ старшего начальника оборонять западную окраину Богодухова. Прикажут наступать – будем наступать, но своей властью оставить рубеж не могу.

Старший лейтенант уехал, явно раздосадованный. Очень скоро там, где, по его словам, находился штаб соседнего полка, и на нашем переднем крае послышалась перестрелка, а вскоре она поднялась у нас в тылу, в самом центре города.

Майор приказал командиру взвода конных разведчиков лейтенанту А.Л. Скрыннику выяснить, в чем дело, а старшему врачу полка – вывезти раненых на восточную окраину Богодухова.

Стрельба в городе постепенно затихла. Воцарилась тишина и на переднем крае. Впечатление такое, что вспыхнувшую перепалку погасил шумевший за окном дождь. Но что же случилось на самом деле?

Ясность внес вбежавший в штаб лейтенант Скрынник – мокрый, грязный, без головного убора:

– Товарищ майор, в Богодухове немцы! Мы прямо в них врзались. Они в мокрых плащ-палатках, так что не сразу разберешь, кто такие. Я понял, с кем имею дело, только тогда, когда моего коня за узду схватили да «Хендехох!» заорали. Хорошо, забор был рядом – успел прямо из седла перемахнуть через него. Не иначе как вошли они в город со стороны железной дороги.

Карапетян, уже надевая фуражку, посмотрел на нас осуждающе, будто мы во всем виноваты:

– Вот видите, какое наступление получилось у соседа? Хотел бы знать, кто его надоумил, что для успеха есть хоть малейшие шансы, когда у врага многократный перевес. Ну ладно, теперь вот что: Сироткин, предупредите комбатов об обстановке и передайте, что мы идем к ним. Штабное имущество отправить вслед за нами!

Быстро свернули штаб и в полнейшей темноте двинулись к расположению батальонов. Там командир, чтобы избежать окружения, повел батальоны к северу от Богодухова. На этот раз противник и ночью не отказался от преследования, какое-то время «сопровождал» нас, пуская ракеты и обстреливая из автоматов. Но, попав пару раз под огонь выделенных Карапетяном групп прикрытия, отстал.

После изнурительного форсированного марша заночевали в небольшом селе. Утром, выяснив с помощью разведчиков, что противник находится от нас в нескольких километрах и активности пока не проявляет, командир приказал занять здесь оборону. Целый день враг нас не беспокоил, и мы использовали время для оборудования позиций, приведения батальонов в порядок. А к вечеру стало известно, что где-то севернее нас расположился кавалерийский корпус под командованием генерала П.А. Белова. Майор Карапетян приказал мне во что бы то ни стало разыскать генерала, доложить ему обстановку в районе Богодухова и просить принять полк под его командование и на снабжение, пока не восстановим связь со штабом 38-й армии. В мое распоряжение поступила полуторка.

Только около двух часов ночи, исколесив немало дорог и дорожек, нашел я штаб кавкорпуса. Аджютант генерала Белова вначале заявил, что командир отдыхает и придется ждать до утра, но потом подумал, вздохнул и сказал:

– Ладно. Все равно придется будить: есть документы для срочного доклада. Пойдемте.

Мы вошли в небольшую комнату. Генерал спал, раздевшись, в белоснежной рубашке и на настоящей кровати. Я так давно не видел всего этого, когда-то обычного, что невольно засмотрелся. Между тем адьютант, тронув генерала за плечо, разбудил его, тихо сказал несколько слов.

Мои опасения, что комкор рассердится на то, что нарушили его покой, оказались напрасными. Павел Алексеевич сразу открыл глаза, легко приподнявшись, оперся локтем о подушку, взял у адьютанта папку с бумагами и положил перед собой. Просмотрев документы и сделав пометки на своей карте, генерал, ни к кому не обращаясь, сказал: «Вот они уже куда прошли». Вернув папку адьютанту, внимательно посмотрел на меня:

– Слушаю вас, товарищ младший лейтенант.

Я представился, доложил об обстановке в районе Богодухова и передал просьбы командира полка. Генерал ответил, что обстановка в районе Богодухова ему известна, но все равно правильно сделали, что прислали к нему меня, так как все части и подразделения в районе Богодухова командующий 38-й армией подчинил ему.

– Передайте командиру полка, – сказал в заключение Белов, – что корпус имеет задачу овладеть Богодуховом и с этой целью шестнадцатого октября перейдет в наступление. А ваш полк должен занять исходное положение на северо-восточной окраине города и перейти в атаку во время, которое будет указано дополнительно.

Наступление на Богодухов началось, как и планировалось, 16 октября. Но неудача ли нашей разведки, успех ли немецкой привели к тому, что как раз на направлении главного удара – с севера на юг – враг сосредоточил основные силы, зарыл в землю танки, превратив их в своеобразные трудноуязвимые доты. Мощным артиллерийским и пулеметным огнем кавалеристы, действовавшие в пешеходных порядках, были прижаты к земле и не получили возможности развить первоначальный успех нашего полка.

А 617-й полк быстро продвигался от восточной окраины города к центру. Только правофланговый батальон, действовавший на стыке с кавалеристами, с трудом преодолевал прочную вражескую оборону, а пробившись в Богодухов, увяз в уличных боях. Другой же батальон, атаковавший на левом фланге полка, без труда уничтожил мелкие группы автоматчиков и ворвался в самый центр города. Только тут гитлеровцы словно бы спохватились, ввели в бой резервы и, создав значительный численный перевес, сначала остановили продвижение подразделения, а затем и окружили батальон. Связь с ним была прервана.

Майор Карапетян, с нарастающей тревогой следивший за развитием событий, видимо, понял, что

Богодухов ни взять, ни удержать нам уже не удастся, а потери можно здесь понести весьма серьезные.

– Вот что, – приказал он мне. – Возьмите комендантский взвод, пробейтесь в центр города к батальону и передайте приказ: немедленно с боем выходить из окружения.

Я попросил разрешения выполнять задание с двумя бойцами, так как фронт – не сплошной и втроем легче его пройти, нежели большой группой. Майор согласился.

Командир комендантского взвода выделил двух испытанных в боях красноармейцев. Я расспросил местных жителей, как попасть в центр города кратчайшим путем, и мы пошли. Осматривались, прислушивались, перебежали от дома к дому. Когда пересекали одну из безлюдных улиц, совсем близко застрочил автомат. Один боец как подрубленный упал лицом вперед. Теперь уже вдвоем забежали за угол дома. Осторожно выглянул, пытаюсь определить, откуда по нам стреляли, и увидел, как из калитки палисадника у одного из домов к лежащему красноармейцу бросилась молодая женщина, нагнулась над ним и рухнула рядом, сраженная очередями из двух или трех автоматов. Оба лежали недвижимо. «Резвятся, сволочи, стреляя по беззащитной женщине!» – скрипнул я зубами.

Но дольше задерживаться было нельзя: отвечаем за судьбу целого батальона, и мы побежали дальше, туда, где слышались перестрелка, разрывы гранат. Вот звуки боя уже совсем близко... Нестройное «ура» – и нам навстречу бегут прорвавшие кольцо бойцы окруженного было батальона. Кричу им: «За мной!» – и вывожу знакомым путем на восточную окраину города, к своим.

Освободить от фашистов Богодухов не удалось. Пришлось отвести подразделения на исходные рубежи. Здесь мы узнали о том, что из штаба 38-й армии пришло распоряжение: 16 ноября к 21 часу нашему полку передать занимаемые им позиции и сосредоточиться в районе Холодной Горы на западной окраине Харькова. А там погрузиться на выделенные в распоряжение полка автомашины и следовать в район города Чугуев в резерв армии.

К назначенному сроку мы передали позиции подошедшему полку НКВД и, пожелав его воинам боевых успехов, тронулись в путь. Покидая последнюю для меня на этом отрезке войны линию обороны, я испытывал сложные и противоречивые чувства. Перед внутренним взором проходили картины отступления, память подсказывала имена и образы павших товарищей, названия оставленных нами оккупантам городов и сел с их мирными жителями, нередко глядевшими на нас с неммым укором. И в то же время было чувство гордости тем, что, проведя почти в непрерывных боях тридцать три дня и тридцать три ночи, мы не сломились, давали многократно превосходящим нас силами фашистам отпор на каждом очередном рубеже, день за днем нанося им серьезный урон.

И те из нас, кто выжил, остался в строю, – еще вернутся на поле боя, вернутся лучше вооруженные, умудренные фронтовым опытом, одухотворенные

стремлением стереть ненавистный фашизм с лица земли. А рядом пойдут в бой новые бойцы, и не будет захватчикам пощады.

Это – не только раздумья. Примерно так я выступил и на партийном собрании, которое после перерыва, связанного с трудной обстановкой, удалось наконец провести на одном из привалов по пути к Харькову. И был очень рад, когда такой же боевой настрой, твердая убежденность в том, что под руководством ленинской партии фашизм будет разгромлен, прозвучали в выступлениях других коммунистов.

На подступах к Харькову были сооружены прекрасные оборонительные рубежи. И неудивительно. Говорили, что под Харьковом на строительстве оборонительных рубежей работало более 300 тысяч человек. Окопы, отдельные ячейки, ходы сообщения, блиндажи, дзоты – все было. Не было только бойцов. Усталые, потрепанные, малочисленные части, как наш полк, не смогли бы удержать эти рубежи.

Только прочитав книгу И.Х. Баграмяна «Мои воспоминания» (1979 г.), я узнал, что войскам Юго-Западного фронта угрожало окружение и, по решению Ставки, 17 октября они начали отходить на восток, на 12–150 км и более.

К нашему прибытию на западную окраину Харькова там уже оказались тыловые подразделения 617-го полка. А к вечеру, не успев хоть немного отдохнуть, мы получили приказ о переходе на восточную окраину города, к дороге, ведущей на Чугуев.

Через Харьков следовали ночью. Командный состав полка ехал верхом, остальные шли строем. Тяжело было идти по улицам города, который, как мы уже знали, удержать не удастся. Конечно, мы еще сюда вернемся, вышвырнем вон оккупантов, освободим от них и всю советскую землю. Но строй молчалив, мы ничего не могли сказать харьковчанам, ни один из которых, казалось, не лег в ту ночь спать. Жители толпились в подворотнях, у подъездов домов, выглядывали в окна, и, наверное, к лучшему, что в темноте мы не видели их глаз.

– Быстрее, – торопили нас патрули. – Скоро будут взрывать мост через реку.

На восточной окраине города погрузились на автомашины, доехали до Чугуева, а затем свернули на город Печенеги, где и заночевали, затратив на это остаток ночи. Утром привели себя в порядок – ждали приезда члена Военного совета 38-й армии. Прибывший вскоре бригадный комиссар В.М. Лайок поздоровался, прошелся вдоль шеренг и приказал майору Карапетяну построить отдельно командиров и бойцов, принимавших личное участие в боях с немецко-фашистскими захватчиками.

Таких оказалось всего около двухсот человек. Член Военного совета поблагодарил личный состав полка за мужество, проявленное при выполнении боевых заданий, и предложил командованию представить отличившихся бойцов и командиров к наградам.

Из Печенег полк перебросили в Купянск. Там

мы помылись в настоящей бане, получили новое обмундирование. Оттуда в конце октября я отправил родителям письмо: «Дорогие папа и мама! Сейчас живем в тихом тыловом городе, понемногу отходим от пережитого. Питаемся хорошо, спим достаточно. И уже создается впечатление, будто и не были в боях, хотя это, как вы знаете, не совсем верно. Думаю, что все перенесенное на фронте запомнится на всю жизнь».

Последняя фраза оказалась пророческой. Прошло более сорока лет, но многие фронтовые эпизоды живы в памяти, как будто все происходило лишь вчера...

Из Купянска штаб полка со всеми службами перебрался в большое село Староверовка, где уже расположился и штаб нашей дивизии, с которой мы наконец вновь воссоединились. А батальоны заняли оборону в ближайших населенных пунктах, контролируя дороги к западу от Староверовки.

Здесь Сироткин вдруг напомнил мне о забытой было обязанности восстанавливать, а затем повседневно описывать боевой путь полка. Не скажу, что дело это оказалось простым, тем более что от другой работы тот же начальник штаба и не думал меня освобождать. Все же путем опроса бойцов, командиров, политработников, сличения их рассказов, изучения сохранившихся документов удалось собрать если и неполный, то вполне достоверный материал, который и лег в основу боевого формуляра части. Думается, что я просто не имею права не сказать несколько слов о том боевом коллективе, в составе которого довелось пройти через суровые военные испытания.

В канун войны 617-й стрелковый полк располагался неподалеку от Киева. За неделю до вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз он по приказу штаба округа в составе дивизии начал переход в новый район дислокации – в город Гусятин Тернопольской области.

Полк был укомплектован по действовавшим тогда штатам мирного времени, иначе говоря, в каждом батальоне была развернута лишь одна рота, а остальные только обозначались. Правда, полковая разведка, артиллерийские, минометные и некоторые другие подразделения, подчиненные непосредственно командованию полка, были полностью обеспечены личным составом, вооружением и транспортом (лошадьми и повозками). Однако боеприпасов, кроме ящика винтовочных патронов для караула, полк не имел.

Четырехсоткилометровый форсированный переход выполнялся в пешем порядке в жаркую погоду. За сутки преодолевали по 30–35 километров. Люди выбивались из сил.

22 июня полк остановился на привал в лесу под Винницей. Личный состав был срочно созван на митинг, на котором впервые прозвучало слово «война». И в то же время над лесом появился самолет, не похожий очертаниями ни на один из наших. Это был немецкий самолет-разведчик «Фокке-Вульф-189», прозванный впоследствии «рамой». Уйти безнаказанным врагу в тот раз не удалось: на глазах у бойцов его догнали два наших краснозвездных

истребителя, зажали с двух сторон и вынудили приземлиться прямо на дорогу. В полку появились первые пленные.

Получив, наконец, недостающие боеприпасы, дивизия, а с нею и полк, отправилась дальше на запад, навстречу уже вторгшемуся на нашу землю противнику. В тот же день несколько командиров из штабов дивизии и полков отбыли по железной дороге в Белую Церковь для приемки приписного состава. И уже 25 июня в соединение начали поступать эшелоны с бойцами, лошадьми, транспортными средствами.

Первый бой 617-й принял западнее Жмеринки. И в первый же его час был тяжело ранен командир полка майор Яковленко – участник гражданской войны, удостоенный еще в те далекие годы ордена Красного Знамени. Командование полком принял его заместитель по строевой части капитан Гриднев.

С той поры полк с непрерывными тяжелыми боями под натиском превосходящих сил противника отходил в направлении Винница, Тетиев, Тараша, Черкассы.

Особенно упорные бои подразделения полка вели в районе Тараша, за что многие бойцы и командиры были представлены к наградам. В их числе капитан Гриднев и лейтенант Сироткин, бывший тогда сначала командиром взвода конной разведки, а затем – помощником начальника штаба полка.

После кратковременного отдыха и пополнения личным составом полк из Черкасс снова был выдвинут на передовую линию и провел несколько успешных оборонительных боев, особенно в районе станции Мироновка.

Полк переправился на пароме через Днепр в районе Канева, держал оборону под Золотоношей, а затем в связи с прорывом врага был переброшен под Кременчуг. Так он оказался на полтавском направлении, где я и вошел в его состав...

После встречи с бригадным комиссаром В.М. Лайоком в Печенегах командование полка представило к наградам 23 человека. Среди них к ордену Ленина – командира батареи 76-миллиметровых орудий Мищенко, к ордену Красного Знамени – комбатов Кочеткова и Полякова, старшего сержанта Мартемьянова, к ордену Красной Звезды – секретаря парторганизации полка политрука Виннера, к медали «За отвагу» – красноармейца Иванова (того самого, с которым выходили из окружения), к ордену Красной Звезды в числе других был представлен и я.

Как в то время практиковалось, командование полка решило сообщить о представлениях родным и близким. Я об этом узнал, только вернувшись домой и обнаружив среди бумаг копию ответа моих родителей. Вот что я прочитал: «Москва. 12.XII.41 г. Дорогие товарищи! Сегодня получили ваше письмо, в котором вы сообщаете, что сын наш показал себя храбрым воином, патриотом нашей великой Родины, преданным делу партии. Письмо глубоко взволновало нас, и мы благодарим командование за высокую оценку боевой деятельности нашего сына и представление его к правительственной награде – ордену Красной Звезды. Мы гордимся тем, что воспитали в нашем сыне беззаветную любовь к

Родине и преданность тому делу, на которое она его призвала. Пусть сын наш, выполняя задания своего командования, громит фашистских захватчиков, осуществляя задачу, поставленную Верховным Главнокомандующим: истребить всех немецко-фашистских оккупантов до единого, пробравшихся на нашу Родину для ее порабощения. Желаем сыну и вам, дорогие товарищи, здоровья, счастья в боях и победы над гитлеровским фашизмом. Е.Н. Сергеева, М.Е. Сергеев».

В начале ноября боевого командира нашей дивизии комбрига Д.В. Аверина отозвали для формирования нового соединения. Конечно, я не был в числе ближайших сотрудников Дмитрия Васильевича. Но ведь не случайно фронтовики, даже рядовые, вспоминая былые походы, говорят «наш», а иногда и «мой» комдив, командарм, командующий фронтом. Решение общих боевых задач, как ничто другое, сплачивало воинские коллективы в единый организм, развивало чувство товарищества, личной сопричастности ко всему, что происходило вокруг. Вот почему решения и действия командира дивизии становились как бы общими, в том числе и моими, решениями и действиями. Особое уважение вызывала личная храбрость комбрига и то, что, пережив вместе с нами тяжелейший период отступления, он вывел дивизию из вражеского кольца.

Тогда я совсем немного знал об Аверине, редко видел его, и только после войны переписка с его дочерью Августиной Дмитриевной помогла восполнить этот пробел, дала возможность хотя бы коротко рассказать о его славном, но мало кому известном боевом пути.

Дмитрий Васильевич Аверин 19-летним парнем добровольно вступил в Красную Армию и был в составе Первой Конной армии Буденного кавалеристом-разведчиком. После гражданской войны – служба в строевых частях, учеба в Академии имени М.В. Фрунзе. В должности командира дивизии участвовал в 1939 году в освободительном походе Красной Армии в Западную Белоруссию.

С первых дней Великой Отечественной войны – на фронте. В июле 1941-го был назначен комендантом Киевского укрепрайона, в августе – командиром 199-й стрелковой дивизии.

И вот, простившись в Староверовке с дивизией, которую провел через, казалось бы, непреодолимые преграды, комбриг Аверин отбыл в Чкаловскую область формировать 196-ю стрелковую дивизию. В 1942 году это соединение было выдвинуто на донские рубежи.

В ходе наступления немецко-фашистских войск на Сталинград и их выхода к Дону в районе Калача-на-Дону 196-я стрелковая дивизия оказалась в окружении. И вновь Аверину, как ранее под Полтавой, пришлось вести свои части на прорыв. 7 августа 1942 года командир 196-й стрелковой дивизии комбриг Аверин погиб смертью храбрых. Тело отважного командира-коммуниста покоится близ хутора Плесистов Суровикинского района Волгоградской области...

7 ноября 1941 года, в день 24-й годовщины

Великого Октября, командир, комиссар и начальник штаба полка уехали в подразделения, чтобы поздравить их личный состав с праздником, а в штабе для текущей работы остался я один. Распахнулась дверь, и вошли двое военных в белых полушубках и шапках-ушанках. Знаков различия на воротниках полушубков, естественно, не было, но по всему угадывалось начальство, поэтому я встал из-за стола, представился и спросил, кто они. Рослый человек с открытым, волевым лицом, сильно окая, ответил:

– Я ваш новый командир дивизии, полковник Давыдов. Зовут меня, – добавил он как-то не вполне по армейским канонам, – Всеволодом Владимировичем, – и крепко пожал мне руку.

Не скажу, чтобы и в те годы я был слишком доверчивым или, скажем, восторженным. Разных встречал людей и уже не торопился давать им оценку. Но полковник Давыдов (как узнал позже, Давыдов-Лучицкий) чем-то сразу расположил к себе, вызвал доверие. Полковник выслушал мой доклад о численном составе и вооружении полка, поинтересовался моральным состоянием бойцов, уровнем боевой подготовки пополнения. Он приказал передать майору Карапетяну, чтобы тот немедленно явился в штаб дивизии, попрощался и ушел.

К тому времени на нашем участке фронта обстановка изменилась: немецко-фашистские войска, выйдя на рубеж реки Северский Донец и захватив плацдарм к востоку от нее в районе Коробочкино, Волчий Яр, приостановили наступление. По данным разведки и рассказам гражданских лиц, выходивших с оккупированной врагом территории, фашисты переоборудовали большие здания под казармы, создавали оборонительные рубежи и, похоже, собирались отсиживаться за ними до весны. Разрыв между расположением противника и нашим составлял тогда несколько десятков километров. Большая территория оказалась ничейной.

Уже вечером 7 ноября стало ясно, зачем полковник Давыдов срочно затребовал к себе командира части. Полк получил приказ: с приданными ему артиллерийской и минометной батареями в течение 8 и 9 ноября совершить марш из Староверовки на Шевченково и далее на Коробочкино, овладев которым выйти на реку Северский Донец в районе Чугуева, форсировать реку, захватить и удерживать плацдарм на ее западном берегу.

Тут, наверное, нужно внести ясность в одно обстоятельство. Дело в том, что помощник начальника штаба по разведке (ПНШ-2) лейтенант И.С. Березовский был тяжело контужен еще до моего прибытия в полк. Он очень просил не отправлять его в тыловой госпиталь, а так как относились к нему в полку уважительно, ему пошли навстречу: Березовский продолжал числиться в должности ПНШ-2, но на самом деле находился то в полковой медсанчасти, то в каких-то других лечебных подразделениях. Здоровье его восстанавливалось медленно. Раз или два, пытаясь вернуться в строй, он появлялся в штабе полка, но врачи тут же апеллировали к командиру части и вновь укладывали беглеца на госпитальную койку. Поэтому на меня

были возложены еще и обязанности ПНШ-2. Честно говоря, мне казалась более живой и увлекательной организация разведки, чем, скажем, составление ежедневных боевых донесений и тем более написание боевого пути полка. И кто не знает, что при всем понимании важности того или иного дела мы все-таки тянемся к тому, которое больше по душе, где видишь возможности лучше себя проявить.

Вместе с приказом на боевые действия мы не получили практически никаких сведений о противостоящих нам силах врага, характере его обороны. Как всегда в таких случаях, разведке отводилась особенно важная роль, и организовывалась она весьма тщательно. Двигавшаяся впереди колонны на расстоянии 3–5 километров пешая разведка обеспечивала необходимую дорожную информацию. По пути до Шевченково никаких сюрпризов не встретили. А вот неподалеку за ним внимание разведчиков привлекла группа людей, копавших в поле картошку. Это оказались женщины, находившиеся под присмотром пяти немецких солдат.

Вероятно, правильнее было бы захватить в плен всех конвоиров, но командир разведки принял другое решение: наши бойцы скрытно, по оврагу, подошли к охране на близкое расстояние и открыли огонь. Три фашиста были убиты, двое подняли руки.

Услышав выстрелы, Сироткин и я верхом поскакали вперед и вскоре были на месте происшествия. Впервые мне представилась возможность поговорить с немцами. В детстве по настоянию мамы я изучал немецкий язык, и хотя знал его посредственно, но все же оказалось, что в случае необходимости мог кое-как объясниться.

Ноябрь стоял холодный, по ночам были заморозки, и хотя земля еще глубоко не промерзла, ветер был пронизывающий. Между тем пленные были в одних мундирчиках, даже без шинелей. Как же они одеты, – поинтересовался я. Не надеясь на свои познания немецкого языка, стал расстегивать у одного из немцев мундир. Пленный побледнел и забормотал: «Я рабочий. Я социал-демократ. Я имею четырех детей. Я не немец. Я австриец». Он подумал, что его собираются расстрелять.

Под мундиром оказалось три шерстяных женских кофточки, надетых на грязную-прегрязную рубашку, по которой ползали вши. Я обратился к разведчикам: «Смотрите, ребята, вот она – шивая фашистская грабармия. Смотрите, кому мы отдаем и отдаем нашу землю и наших советских людей». Обратился к пленному, показавшемуся почему-то наиболее осведомленным. Из его показаний следовало, что немецкая разведка не обнаружила поблизости частей Красной Армии, поэтому хозяйственные подразделения, мобилизовав местных жителей, приступили к уборке и вывозке для нужд армии урожая, в первую очередь картофеля.

Далее выяснилось, что в Коробочкино находился штаб 297-й пехотной дивизии, в состав которой входили 522, 523 и 524-й пехотные полки, расквартированные в окрестных селениях с целью несения караульной службы и заготовки продуктов.

Освобожденные разведчиками женщины-колхозницы подтвердили эти показания и сообщили еще много ценных сведений, особенно о том, как можно скрытно подойти к тому или иному населенному пункту.

Тем временем подтянулась к нам и колонна. Командир полка, ознакомившись с полученными разведкой данными, принял решение выбить фашистов из селений, расположенных на пути к Коробочкино. Сопротивление врага, встретившего нас лишь ружейным огнем, оказалось незначительным, он явно «прошляпил» подход полка. Жаль, конечно, что некоторым из оккупантов удалось на повозках или бегом удрать от возмездия, но сам факт панического бегства врага вызвал и у бойцов, и у командиров приподнятое настроение.

Заночевали мы в небольшом поселке Булацеловка. Дом, где остановилось командование полка, находился на берегу большого пруда, по другую сторону которого темнел густой лес.

Поздно вечером я выслал группу разведчиков во главе с сержантом с задачей подойти вдоль железной дороги как можно ближе к Коробочкино, определить характер и расположение позиций, а по возможности и численность вражеского гарнизона. Несмотря на сложность задания, оно было выполнено успешно: противника разведчики обнаружили в нескольких километрах от нас, в районе железнодорожного разъезда Бурлуцкий. Бойцы так близко подобрались к его расположению, что разглядели в темноте четыре замаскированных танка. Поскольку враг теперь наверняка знал о нашем продвижении, а у него здесь была целая дивизия, то с большой степенью вероятности утром можно было ожидать контратаки.

Так оно и вышло. На рассвете при поддержке танков гитлеровцы двинулись на Булацеловку. Бой длился несколько часов. Мы видели, как падали вражеские солдаты, бежавшие по полю в обход поселка прямо на позиции наших артиллеристов и минометчиков. Но и наши подразделения под массированным вражеским огнем несли большие потери.

После четырех часов боя стало ясно, что гитлеровцы нас обходят и вот-вот отрежут пути к отступлению. Только тогда командир полка приказал отходить.

К тому времени обстановка сложилась так, что штаб полка мог отходить только по тонкому льду пруда, к тому же простреливавшемуся пулеметным и минометным огнем. Но другого выхода не было. Прошли мы по пружинившему под ногами льду уже больше половины пруда, когда Сироткин открыл свою планшетку, проверил ее содержимое и как-то неестественно спокойно сказал:

– А я забыл карту.

Повернулся и пошел обратно, именно пошел: бежать по тонкому льду нельзя было, к тому же повсюду зияли воронки от мин. Я двинулся вслед за ним.

Подшли к дому, где недавно размещался штаб, успели заметить, что напуганные недавней близкой перестрелкой хозяева выглядывали из погреба. К

дому была приставлена лестница, на которой сидели белые, все до одной, куры. Когда мы поравнялись с лестницей, издали раздались пулеметная очередь, куры с кудахтаньем разлетелись в разные стороны, а одна, на глазах перекрашиваясь в красный цвет, забилась на земле. Возьми пулеметчик чуть пониже – и вместо курицы лежал бы один из нас, а может быть, и оба...

Сироткин выскочил из дома со словами «На столе лежала», и мы снова бросились к пруду.

Теперь уже, чувствуя за спиной дыхание противника, шли быстрым шагом, скользя по потрескивавшему, пружинившему льду, но на этот раз обстрела почему-то не было. Перебрались на другой берег, прошли сквозь тянувшийся вдоль склона оврага лесок и вышли на его опушку. Впереди – большое поле. Далеко, очень далеко маячили фигурки отходивших бойцов. Мы остались вдвоем.

Враг, захватив Булацеловку, не стал пока развивать успех, преследовать наши отступавшие подразделения, но находился всего в трехстах–четырестах метрах за нами и не мог, конечно, нас не заметить. А вот и подтверждение: неподалеку шлепнулась одна мина, другая...

Пришлось броситься на землю. Но сколько можно лежать на нейтральной полосе? Ведь рано или поздно, быть может, очень скоро гитлеровцы могут пойти дальше или просто выделяют группу солдат для захвата нас. Что же делать?

– Вот так, Женя, – сказал Сироткин. – Надо подниматься и идти к своим. И немедленно. Решили?

– Петя, дорогой, – ответил я. – Идем. Мы с тобой еще повоюем. Как-то даже не заметили, что впервые за два месяца совместной службы назвали друг друга по имени. Очевидно, никогда еще мы не были так близки, как сейчас, в минуту смертельной опасности. Быстро, почти бегом, бросились вдогонку за своими, успевая еще и делиться самым сокровенным, словно торопились высказать все до того, пока не ударила в спины пулеметная очередь. Но она почему-то (а эти «почему-то», случавшиеся на войне, далеко не всегда можно объяснить) не ударила, и мы беспрепятственно добрались до поселка Василенково. Казалось бы, все опасности позади. Но тут на поселок обрушился массированный артиллерийский огонь. Отсидевшись до его окончания в первой попавшейся на пути канаве, спустились с горки мимо церкви вниз и сразу же попали... в штаб своего полка.

Здесь уже разобрались в том, что произошло. Майор Карапетян пришел к выводу, что нам в какой-то мере повезло: главный удар противник нанес по пустому месту, вдоль железной дороги на Шевченково, в то время как мы, выбивая врага из окрестных гарнизонов, уклонились к северу от нее. Правда, вражеские танки, продвигаясь вдоль железной дороги, нанесли потери левофланговому батальону, но дальше почему-то не пошли, что дало возможность артиллерийским и минометным батареям своевременно выйти из боя, а всем остальным не попасть в окружение.

297-я немецкая пехотная дивизия захватила райцентр Шевченково, наступая на него с запада вдоль

железной дороги на узком участке фронта, но дальше продвинуться на восток, видимо, уже не решилась, ибо и без того оказалась в мешке. Мы же получили приказ вернуться в Староверовку. Не могу сказать «на щите иль со щитом», но упрекнуть нас не в чем было: ни один боец не дрогнул, никто без приказа не отошел.

Почти без паузы наша дивизия всеми силами вновь двинулась на Шевченково. С юга с ней взаимодействовала 304-я стрелковая дивизия под командованием генерала Н.П. Пухова, наступавшая в обход этого райцентра. КП командира 199-й дивизии полковника Давыдова оборудовали в нескольких километрах восточнее Шевченково в железнодорожной будке, и он нередко подвергался вражескому артиллерийскому обстрелу. Однажды сюда были вызваны командир и комиссар полка, которые на всякий случай прихватили и меня.

Когда мы верхом подъезжали к КП, уже стемнело, но остановившие нас патрульные порекомендовали дальше добираться пешком.

Давыдов поздоровался и сразу спросил:

– Сколько штыков в вашем 617-м?

– Примерно сто, – ответил Карапетян.

– Ну и хорошо. Поднимайте полк и двигайтесь на Петровку. – Давыдов указал на карте поселок в трех-четыре километра к северу от Шевченково. – Поведет вас вот этот товарищ. Ему можно полностью доверять.

Только тут мы заметили сидевшего в темном углу мужчину средних лет в гражданской одежде.

– Он хорошо знает Шевченково, покажет, где лучше ворваться в него с севера. Гитлеровцев там немного, но отдельные заставы постарайтесь пройти незаметно. Полк разделите на две группы, – продолжал полковник. – Первую возглавите вы, майор, вторую – комиссар полка. Задача первой группы: скрытно подойти к штабу вражеской дивизии и уничтожить его; второй группы – атаковать батарею тяжелых орудий и вывести все их из строя. Завершить задание завтра до пяти часов утра.

Ночью в километре от Шевченково нас догнал верховой посыльный передал Карапетяну пакет. Тот вскрыл его и при свете фонарика прочитал: «Свой приказ о действиях в Шевченково отменяю. Полку принять участие в общем наступлении на Шевченково в 5 часов по сигналу: три красные ракеты. Задача – наступать правее железной дороги, овладеть элеватором. Комдив 199-й Давыдов».

Так бывало на войне: что-то изменилось в обстановке, поступили новые данные о противнике, сложилась новая ситуация у соседа – и надо менять решение, действовать по-другому. Иначе нельзя.

В 5 часов утра подразделения полка при поддержке артиллерии пошли в атаку. Вскоре, почти не встретив сопротивления, они вышли к элеватору, где отбивалась попавшая в окружение группа вражеских автоматчиков. Все они были уничтожены.

Как выяснилось позже, 297-я пехотная дивизия немцев понесла в боях под Шевченково большие потери. Практически были разгромлены ее 523-й и 524-й пехотные полки, насчитывавшие до двух тысяч

солдат и офицеров каждый.

Наши войска захватили 18 орудий, десятки минометов, пулеметов, склады боеприпасов. Лишь 522-й пехотный полк, непосредственно занимавший Шевченково, успел отойти, принеся в жертву прикрывавшее его подразделение. В нашей части в том бою больших потерь не было.

617-й стрелковый полк получил приказ расквартироваться в Шевченково и находиться в резерве командира дивизии. Остальные части дивизии двинулись на запад, в район, где мы располагались перед нашим походом на Коробочкино.

П.И. Сироткин присмотрел для штаба полка большой добротный дом под железной крышей на центральной улице, к которому со всех сторон тянулись красные телефонные провода. «Ну если здесь у немцев был штаб, то почему бы и нам тут же не расположиться?» – решили мы.

– Вот только как бы дом не занял кто-нибудь другой, – забеспокоился Сироткин. – Поставим-ка у дверей часового.

Часового поставили. Немецкие провода сняли, а к дому подвели свою линию.

Внутри помещение оказалось разделенным дощатой перегородкой на две части: на большую гостиную и на маленький закуток, в котором, кроме кровати, занимаемой больной хозяйкой дома, шкафа, тумбочки да табуретки, ничего больше и не разместилось бы. За больной ухаживала приехавшая к ней сестра. Хозяйка, то и дело охая, сообщила, что «животом мается», но от услуг врача отказалась, сославшись на то, что лечится народными средствами. На вопрос, где хозяин, ответила: «Где вы, там и он. Жив ли только, не знаю», – и тут же начала всячески поносить немецких солдат – «разбойников и кровопийцев», ограбивших дочиста весь дом. «Кабанчика зарезали», – несколько раз повторила она.

В то время еще не было категорического требования выселять хозяев из домов, в которых располагались штабы. Больше того, это казалось негуманным актом, который мог породить недовольство населения. Поэтому мы, пожелав хозяйке скорого выздоровления, оставили ее в закутке вместе с сестрой.

Началась обычная штабная жизнь. Посыльные и связные от батальонов разместились в прихожей. Мы их часто вызывали, давали различные служебные поручения; разговаривали по телефону с подразделениями полка, обменивались между собой мнениями по тем или иным вопросам.

На исходе второго дня пребывания в Шевченково Сироткину вдруг захотелось молока. Впрочем, к молоку он всегда питал особое пристрастие и мог выпить его столько, сколько содержалось в крынке или в другой посудине любого размера.

Он зашел к хозяйке и спросил, у кого поблизости можно купить молока. Охая, хозяйка сообщила, что рядом коров никто не держит и надо искать где-нибудь домов через десять.

– Неужели пойдешь на ночь глядя за семь верст молока хлебать? – пошутил я.

Но Петр сделал вид, что не понял иронии, накиннул

шинель, надел фуражку и вышел. А выйдя, решил почему-то заходить подряд во все дома. В соседнем с нами доме хозяйка ответила, что молоко у нее есть, скотина нехворая, и даже от денег отказалась наотрез. С наслаждением отхлебывая молоко, удивленный Сироткин начал расспрашивать женщину, как же могло получиться, что наша больная хозяйка не знает о появлении у соседки коровы. Та, в свою очередь, еще больше удивилась:

– Что значит о появлении? Корова у меня давным-давно. Да у нас здесь, почитай, в каждом доме есть корова. Как это она не знала? Просто уж такие люди вредные.

Дальше – больше. Из ее рассказа выяснилось, что хозяин нашего дома дезертировал из Красной Армии, скрывался в подвале до прихода немцев, после чего сам предложил им остановиться в его доме, сам зарезал для «постояльцев» кабана. Фашисты же, видя такое усердие, назначили его старостой, да развернуться он не успел – быстро фашистов отсюда выбили. А вот ходят слухи, что удрать вместе с ними старосте почему-то не удалось и, надо думать, спрятался он где-то в своем доме, ибо никто из односельчан предателя не приютит.

Обо всем этом встревоженный Сироткин рассказал сначала мне, а затем срочно вызванному уполномоченному особого отдела полка старшему лейтенанту Редюхину. Тот ответил:

– Я уж и сам получил аналогичные сведения. Есть все основания полагать, что староста остался в Шевченково. Поэтому советую усилить охрану дома, помимо часового у двери выделить еще одного, который ходил бы вокруг штаба. А засветло проведем обыск.

Утром тщательный осмотр погреба, сарая, подполья и чердака ничего не дал. Оставалось лишь проверить закуток, в котором лежала больная хозяйка. Редюхин зашел туда.

Через тонкую перегородку отчетливо было слышно все, что за ней происходило. Запомнилось это примерно так:

– Болеете, хозяйка?

– Маюсь, спасу нет.

– Мужик-то где?

– Я уже говорила.

– Ладно. А что у вас под кроватью? – И после небольшой паузы: – Посудину-то не мешало бы вынести, а то здесь хоть топор вешай.

Несколько секунд тишины, и снова голос Редюхина:

– Загляну, пожалуй, с вашего разрешения, в шкаф.

– Да зачем вам в бабьем тряпье копаться?

– Ничего, я мельком.

Скрипнула дверца шкафа. Секунда... другая... И:

– А, вот ты где! Мы его ищем, а он устроился как у Христа за пазухой и помалкивает. Ну, вылазь да руки подними повыше – затекли небось. Одного не пойму: как ты в этом гробу двое суток дышал и все остальное? Впрочем «остальное» понятно – жинкина сестра двоих обслуживала. Разогнулся? Тогда пошли. А ты, хозяйка, пока собирайся – будем лечить. Да и сестричку свою прихватить не забудь.

Из-за перегородки появился здоровенный, заросший щетиной мужик, а вслед за ним и старший лейтенант Редюхин. Под аккомпанемент причитаний «больной» они прошли через комнату и исчезли за дверью.

– Вот тебе и «лазарет», – огорченно произнес Сироткин. – Чуть не провели нас на мякине. Теперь хоть людям на глаза не показывайся – засмеют.

Какой уж там смех: досталось нам по всем линиям, особенно на состоявшемся вскоре собрании партийного актива дивизии. Выводы для себя мы, конечно, сделали, а к тому, насколько они оказались действительными, я еще вернусь.

В Шевченково мы вновь пополнились личным составом. И когда численность полка была доведена примерно до шестисот человек, нас опять выдвинули на передний край обороны. Впрочем, в данном случае понятие «передний край обороны» носило чисто условный характер, ибо не свидетельствовало о наличии каких-либо серьезных оборонительных сооружений. Лишь на отдельных участках были созданы противотанковые и противопехотные минные поля.

Зима выдалась морозной, снежной. В таких условиях наша оборона строилась на удержании тех или иных населенных пунктов, в которых обычно размещался какой-либо батальон. Такого же принципа придерживался противник, но, в отличие от наших, его опорные пункты были укреплены более основательно: обнесены колючей проволокой, на окраинах поселков оборудованы дзоты, а подходы прикрыты почти сплошными минными полями, как противопехотными, так и противотанковыми. Так, например, были укреплены два слившихся воедино поселка – Анновка и Лебяжье, находившихся на левом берегу Северского Донца, неподалеку от села Базалеевка, обороняемого нашим правофланговым батальоном. Правда, в ноябре – декабре некоторые из захваченных населенных пунктов враг укрепить до такой степени еще не успел.

Вот на таком тактическом фоне наш полк и вел с ноября сорок первого и практически всю зиму так называемые бои местного значения в районе Базалеевка, Волхов Яр. В зависимости от планов командования дивизии полк перебрасывали то севернее, то южнее участка железной дороги Купянск – Чугуев, так что у нас даже определение появилось – «кочующий» полк.

В мае 1975 года я получил письмо из Брянска от своего однополчанина, политрука 1-й стрелковой роты Эстрина. В нем Афанасий Захарович писал: «Я и Вы прошли один долгий и тяжелый боевой путь. Помните оборону осени, зимы и весны 1941–42 гг.? А вообще, наша 1-я стрелковая рота была кочующей, бои вела и под Печенегами и у сел Волхов Яр и Волчий Яр». Он ошибался. «Кочующей» была не рота, «кочующим» был полк. Трудно вспомнить все боевые эпизоды. Остановлюсь на тех, которые забыть нельзя.

В моем письме жене от 16 декабря 1941 года есть такие строки: «...ведь я собственными глазами видел тела зверски замученных, до неузнаваемости

изуродованных наших бойцов, попавших к фашистам в плен. Наверное, никогда не забуду этой страшной картины».

Прошли десятилетия, но из памяти не изгладилось потрясение, вызванное изуверством гитлеровцев, диким, бессмысленным надругательством над уже беззащитными людьми. А произошло все это в ходе первого же боя полка в районе Базалеевки.

Перед полком была поставлена задача выбить противника из населенного пункта Анновка-Лебяжье, находившегося в трех-четыре километра западнее наших позиций. Командир принял вполне логичное, на первый взгляд, решение: скрытно подойти к вражеским позициям с южной стороны по широкой залесенной балке и, используя внезапность, овладеть поселком.

Оказалось, однако, что противник предвидел такой вариант и серьезно подготовился к отражению атак с любой стороны. Батальоны, выдвигавшиеся один к балке, а другой – на Анновку-Лебяжье с востока, еще на дальних подступах к поселку попали под такой массированный пулеметный и минометный обстрел, что вынуждены были залечь, а с приходом темноты начали окапываться.

Батальон, наступавший на балку, был остановлен в 200–300 метрах от нее. Мерзлый грунт долбили, окапывались поспешно. Люди выбились из сил, продрогли. И когда перед рассветом в одну из рот прибыла полевая кухня, противник неожиданно провел здесь атаку, отрезал от основных сил и окружил группу красноармейцев. Усилиями других наших подразделений врага вскоре заставили отойти на исходный рубеж, но неподалеку от еще дымившейся полевой кухни воины увидели потрясшее их зрелище: на снегу лежали истерзанные гитлеровцами бойцы. У многих были отрезаны уши, носы, вырваны языки, выколоты глаза. Почти все они после издевательств были добиты выстрелом в голову.

Комбат доложил командиру полка о случившемся и, получив его согласие, повел батальон в контратаку. Бойцы, ставшие только что свидетелями кровавого злодеяния фашистов и охваченные жаждой справедливой мести за своих погибших товарищей, атаковали яростно и неудержимо. Словно не замечая вражеского огня, они на одном дыхании перебежали через поле, выбили гитлеровцев из траншей и вслед за ними устремились в поросшую лесом балку. Теперь бой переместился в лес, и связь штаба полка с комбатом прервалась. Когда стало ясно, что командир батальона на вызовы не отвечает, майор Карапетян приказал мне разыскать его, уточнить на месте обстановку и немедленно вернуться обратно.

Как ни спешил, но в пути все же задержался на две-три минуты около повозок, на которые красноармейцы из тылового подразделения уже укладывали замученных фашистами бойцов. А на КП батальона я застал лишь двух связистов. Где комбат, они не знали, но, указав на красный немецкий телефонный провод, посоветовали:

– Вы комбата легко найдете, если пойдете вдоль провода. К нему наши ребята тянут связь. А провод

трофейный, красный, его хорошо видно и на поле, и в лесу.

Связавшись с командиром полка, доложил, что батальон ведет бой в балке, куда сейчас направляюсь и я, после чего быстро зашагал вдоль красного провода. Спустился по склону в поросшую деревьями и густым кустарником балку и углубился в эти заросли. Провод вел в ту сторону, где в отдалении гремели выстрелы, раздавались взрывы гранат. «Наши продвинулись уже далеко, – подумал я. – Пожалуй, скоро выйдут и к поселку». Идти было легко: земля промерзла, снега мало. Красный провод был хорошо виден. Стрельба впереди совсем близко. Мелькнула мысль: «В лесу скорее окружить могут и немцы нас, и мы их».

...Его я увидел первым. Меня насторожило, заставило загаиться что-то едва уловимо мелькнувшее впереди. Да, определенно кто-то шел мне навстречу. Достал из кобуры ТТ, поставил на боевой взвод. Чуть отодвинулся в сторону за густую заросль орешника. Увидел, что между стволами деревьев мелькнула фигура человека в длиннополой шинели и в фуражке с высокой тульей. Немецкий офицер! Как он здесь оказался, за спиной нашего батальона? Враг шел настороженно, останавливался, прислушивался. Увидев трофейный красный провод, он направился к нему и пошел прямо на меня.

Возможно, мне следовало бы крикнуть «Хендехох!», но нервы не выдержали. Я, задержав дыхание, прицелился и выстрелил. Офицер словно споткнулся, упал навзничь. Убитый оказался обер-лейтенантом. Рядом с ним валялся взведенный парабеллум с наградной серебряной пластинкой на рукоятке. Невольно подумалось: «Хорошо, что не пытался брать его в плен!»

Вытащил из карманов убитого документы, забрал парабеллум, снял с пояса кобуру и тут услышал шаги и голоса. Быстро снова встал за дерево, достал лимонку, подготовил ее для броска.

На этот раз все обошлось благополучно: появились два красноармейца-связиста, сматывавших провод. Увидели меня, растерялись – я был в телогрейке без знаков различия.

– Не бойтесь. Я из 617-го полка, иду к вашему комбату. А вот его надо было опасаться, – показал я на труп обер-лейтенанта. – Не успели бы вы свои винтовки скинуть с плеча – парабеллум у него в руке был. Так где же комбат?

– Приказал связь снимать. Командир полка разрешил отходить. У нас мало людей осталось.

Чуть позже комбат подтвердил, что к концу атаки в строю батальона осталось не более сотни бойцов, в то время как противник, судя по резко возросшей плотности огня, подтянул свежие силы и создал многократное численное превосходство. С минуты на минуту следовало ждать контратаки.

Анновку-Лебяжье взять не удалось...

Кончался 1941 год. Ноябрь и декабрь мы провели в боях местного значения, не преследовавших решительных целей, но изматывавших противника, отвлекавших его силы с других направлений и державших его в постоянном напряжении. А

поскольку эти бои носили эпизодический характер, то уже через несколько дней после встречи Нового, 1942 года, запомнившейся главным образом переходом полка на новый участок – южнее железной дороги Чугуев–Купянск, я имел основание писать родителям: «Сейчас подвергаюсь опасности в гораздо меньшей степени». А вот в письме, отправленном чуть позже жене, уже несколько подкорректировал истинное положение дел, сообщив: «Немного простудился. Охрип. И в общем, получил грипп». Даже в рифму получилось, во всяком случае, гораздо более складно, чем было на самом деле.

Как-то январским вечером майор Карапетян ознакомил меня с приказом комдива. В нем предлагалось следующей ночью частью сил полка выбить противника из трех хуторов, превращенных в опорные пункты, вынудив его тем самым либо занять оборону в чистом поле, либо отойти на другие рубежи.

– Ввиду того что операция назначена на ночь, – продолжал командир полка, – необходима особенно тщательная разведка системы обороны противника, тем более что он ее непрерывно совершенствует. Поэтому выполнение приказа я решил возложить на сводную группу в составе батальона Полякова и приданных ему батарей семидесятишестимиллиметровых орудий и минометов. Командовать же этой группой поручаю вам. Еще раз напоминаю о том, что успех боя в решающей степени зависит от получения достоверных разведанных.

Поскольку через мои руки проходила вся разведывательная информация, интересовавшая штабы полка и дивизии, я и сам знал, насколько она в данном случае недостаточна. Если выслать разведчиков, а потом анализировать их доклады, можно потерять драгоценное время. Гораздо надежнее и оперативнее – пойти в разведку самому.

За ночь выделенный для операции отряд сосредоточился на исходном рубеже, в поселке Волхов Яр. На рассвете я, Поляков и оба командира батарей, все в белых маскировочных костюмах, в сопровождении нескольких бойцов вышли на рекогносцировку с целью общего осмотра местности, изучения подходов к тем хуторам и системы их обороны. Эти данные и должны были составить основу плана ночного боя. Продвигались мы по неглубокому, тянувшемуся в сторону опорных пунктов противника оврагу, соблюдая все меры предосторожности. Все шло нормально.

Уже рассвело, когда добрались до конца оврага. Взяли с собой одного красноармейца, а остальных оставили на месте с задачей прикрыть, если потребуется, огнем наш отход. Впятером выбрались из оврага, проползли метров двадцать пять – тридцать, залегли и взялись за бинокли.

Несмотря на ранний утренний час, у вражеских позиций было довольно оживленно. Помимо солдат здесь находилось немало людей в гражданской одежде, большей частью женщин. Они перетаскивали и укладывали тяжелые бревна; долбили ломами и мотыгами мерзлую землю, отбрасывали ее лопатами.

Все ясно: фашисты интенсивно укрепляли свою оборону, нещадно эксплуатируя и местное население. Вдруг откуда-то сбоку выскочила лиса-огневка и понеслась между нами и вражескими позициями. Поляков потянул было руку к лежащему рядом автомату, но я схватил его за рукав:

– Ты что, с ума сошел? Выдадим себя – провалим задание!

– Да нет, – шепотом ответил он. – Это охотничий рефлекс.

Лиса пробежала прямо перед нами, когда (и опять «вдруг») по ней ударил немецкий пулемет. Ударил не издали, не от траншей, а всего метрах в ста от нас, из амбразуры хорошо замаскированного дзота. Мы обомлели. Веер трассирующих пуль пронесся прямо над нашей головой, заставив недвижно распластаться на снегу. Отползть? Однако, если пулеметчик и не видит нас сейчас, то при движении обязательно обнаружит. Значит, надо оставаться на месте, лежать столько, сколько потребуется. Тихо сказал:

– Никому не двигаться без команды. Пока наблюдаю я один. Медленно приподнял голову, еще медленнее поднес к глазам бинокль.

Кажется, обошлось: на позициях возобновили работу, возможно, видели метнувшуюся в сторону лису и поняли, чем вызвана ложная тревога. Становилось все очевиднее, что строилась вторая линия обороны, а передовая позиция, по крайней мере дзоты, амбразуры которых мы теперь благодаря случайности обнаружили, уже готова. Оказывается, их можно было заметить и невооруженным глазом. Ошибка наша заключалась в том, что мы сразу же взяли за бинокли и стали рассматривать происходившее вдаль, не подумав о том, что враг мог быть совсем рядом.

Пролежали мы под дулом пулемета, почти не шевелясь, еще долго. Замерзли страшно, несмотря на ярко светившее солнце. Наконец, решаю: пора отходить. Медленно, не разворачиваясь, попятиться кто как мог. Только в овраге вздохнули с облегчением, а один из командиров батареи высказал вслух общую мысль:

– Ну, друзья, лисе надо сказать спасибо: спасла она не только нас, дураков, но и тех, кто в ночной атаке напоролся бы на эти проклятые дзоты.

Уже на обратном пути вполголоса прикидывали план ночного боя. Все оказалось значительно сложнее, чем думали раньше, – ведь только для того, чтобы приблизиться на расстояние броска к хуторам, надо было овладеть как минимум двумя дзотами или подавить их, разорвав тем самым огневую связь с другими. Ни о какой внезапности нападения на хутора в таких условиях не могло быть и речи. Словом, поломать голову еще было над чем.

Однако, вернувшись в Волхов Яр, мы получили новое распоряжение, которое снимало все вопросы: личному составу группы немедленно прибыть к местам прежнего базирования. Оказалось, что задача по овладению хуторами отменялась, а полк возвращался на свой старый рубеж. В одном только полезной и оказалась памятная рекогносцировка – удалось точно определить состояние ранее

не известных нам вражеских оборонительных сооружений. Полученные сведения мы передали сменившей нас части.

4 января выступили обратно и 5-го были на ранее обжитом участке обороны. Все бы ничего, но для меня длительное лежание в снегу не прошло даром – заболел. Поднялась температура, начисто сел голос. Так что с трудом выдержал переход, еле добрался до койки. Правда, отлеживаться не пришлось: «рядовая» простуда на фронте во внимание не принималась, да и от неотложных дел никуда не уйдешь. На войне как на войне. Так что поднялся я в тот же вечер. А вот недели две голос никак не прорезался, приходилось объясняться шепотом.

Надо сказать, что если мы зимой проявляли активность, то и противник иногда делал вылазки, вел разведку боем. Вероятно, действия нашего «кочующего» полка дезориентировали врага относительно состава противостоявшей ему группировки. Явно с целью получения необходимых данных противник в конце первой декады января организовал разведку боем, нанеся удар от Анновка-Лебяжье на Вазалеевку. Примерно в 10 часов утра лыжный батальон гитлеровцев, одетых в маскхалаты, предпринял попытку с ходу ворваться в поселок. Однако воины боевого охранения, располагавшегося на занесенных снегом дюнах у подступов к Базалеевке, не дали застать себя врасплох – встретили противника дружным огнем, сбили темп атаки, после чего отошли на оборонительный рубеж, занятый уже поднятым по тревоге батальоном Полякова. Гитлеровцы вынуждены были залечь, и начали ружейно-пулеметный обстрел наших позиций. Вскоре к трескотне перестрелки добавились и глухие разрывы мин – враг вновь пустил в ход свое мобильное оружие.

Командир полка приказал:

– Сергеев, немедленно в Базалеевку! Выясните на месте обстановку и докладывайте мне о ее малейших изменениях.

Как ни спешил, но, когда я прискакал в село, вражеская атака была уже отбита, фашисты отошли и только как бы в отместку за неудачу беспорядочно обстреливали Базалеевку из минометов.

В штабе батальона я попросил соединить меня с командиром полка. Докладывал ему, а сам прислушивался к близким разрывам мин. «Чего доброго, – подумал, – и на наш дом упадет». На всякий случай, насколько позволил шнур, отодвинулся от окна, около которого стоял телефон. А секунду-другую спустя в палисаднике рядом с этим окном грохнул взрыв, вдребезги разлетелись стекла.

В трубке послышался взволнованный голос Карапетяна:

– Сергеев! Алло, Сергеев! У вас там что-то произошло?

– Все в порядке, товарищ майор. Это мина перед окном разорвалась.

– Ничего себе «порядок». Никто не пострадал?

– Ни одной царапины.

– Ну, считай, что повезло. Возьми сведения о потерях в батальоне и возвращайся...

Где-то в середине января руководящий состав полка, в том числе и я, был собран в штабе дивизии и ознакомлен с содержанием директивного письма Ставки Верховного Главнокомандования, в котором обобщался опыт проведенных Красной Армией наступательных операций. Да, мы, кому еще не довелось испытать радости крупных побед, знали, что то на одном, то на другом участке советско-германского фронта наши войска успешно громили фашистов. И каждый их успех воспринимался как предвестник будущих побед, укреплял уверенность в том, что немецко-фашистских захватчиков можно успешно бить. Особую радость вызывало контрнаступление наших войск под Москвой, освобождение от захватчиков тысяч населенных пунктов, многие из которых мне как москвичу были хорошо знакомы и близки. Правда, сейчас дорогими сердцу стали опаленные боями украинские села и города, и часто думалось: «Когда же мы их отобьем, когда повернем на запад, чего для этого не хватает?»

А не хватало пока еще многого. В директивном письме Ставки речь, в частности, шла о массировании на направлениях главных ударов артиллерии и танков и даже о переходе от практики артиллерийской подготовки к практике артиллерийского наступления. Но орудий в полку и даже в дивизии было слишком мало для того, чтобы думать об их массированном применении.

Именно их отсутствие послужило одной из причин неудачных действий полка в боях, начавшихся 18 января. Трое суток не могли подразделения преодолеть вражескую оборону, выйти на заданный рубеж. И только когда мы узнали о том, что войска взаимодействовавших нашего Юго-Западного и Южного фронтов, разгромив крупную группировку врага, освободили города и железнодорожные узлы Лозовая и Барвенково, стало очевидным, что своими активными действиями на второстепенном, а вернее вспомогательном, направлении воины полка отвлекли на себя часть вражеских сил и способствовали тем самым успешному поначалу развитию Барвенково-Лозовской операции наших войск, на осуществление которой командование, несомненно, выделило основную массу боевой техники.

И на войне люди не жили одним лишь боем. Даже в самые напряженные и трудные периоды выпадало время для человеческого общения, душевного разговора, быть может, как раз особенно необходимых и желанных в дни наивысшего напряжения сил. В декабре 1941 года я писал жене: «Люди в нашем полку замечательные. Вместе с такими командирами, товарищами легче преодолевать тяготы войны. Теперь я убедился, что фронтовое товарищество и дружба прочнее и надежнее любых других».

Действительно, 617-й стрелковый полк стал моей фронтовой семьей. Здесь я нашел как искренних друзей, так и старших товарищей, которых ставил себе в пример. Среди руководящего состава полка, помимо уставной субординации, сложились просто добрые отношения, основу которым заложил сам майор Асканаз Георгиевич Карапетян, счастливо сочетавший необходимые командирские качества

с душевной теплотой и, я бы сказал, с какой-то неброской заботливостью о подчиненных.

Когда позволяла обстановка, командир полка обедал или ужинал не только со своими заместителями, но приглашал и штабных командиров, в том числе и меня. Непринужденные беседы, настрой на которые умело создавал майор, помогали нам лучше узнать друг друга, проникнуться взаимными доверием и симпатией. С интересом слушали мы и рассказы самого Асканазы Георгиевича о его службе в Красной Армии, в которой он прошел путь от взводного до полкового командира, не «перескочив» ни одной служебной ступеньки. Не отсюда ли и его глубокое понимание забот и проблем, волновавших как красноармейца, так и командира любого ранга?

– Мне вот, – рассказывал майор, – довелось пять лет командовать взводом. Думаете, наскучило? Ничуть не бывало – ведь все, что входило в мои тогдашние обязанности, я изучил настолько глубоко, что не возникало, по существу, никаких сложностей, служилось легко, даже весело. Так может быть только тогда, когда уверен в себе, в своих силах и возможностях. А вот тем, кто не прошел последовательно армейскую школу жизни, значительно труднее: они подчас, хотя в этом и не виноваты, не знают многих азбучных истин, теряются в относительно простой обстановке.

Поскольку последнее в полной мере относилось и ко мне, я старался извлечь из воспоминаний кадрового командира как можно больше полезного и для себя. А насчет полученных нами за короткие сроки высоких званий и должностей кто-то пошутил, что и сам майор Карапетян «рискует» вскоре получить генеральское звание. Шутка запомнилась, что оказалась вещей: А.Г. Карапетян закончил войну генерал-майором, а за отличие в боях под Ростовом-на-Дону был удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

Однако командир полка оставался для меня все же командиром полка, а самая крепкая дружба сложилась у меня с Петром Ивановичем Сироткиным. С ним мы буквально делили и хлеб, и табак, нередко спали на одной постели, случалось, в равной мере рисковали жизнью. Что же еще может более тесно связать людей? Впрочем, на служебных делах наши взаимоотношения никак не отражались, даже называли мы друг друга по имени только в тех случаях, когда рядом не было посторонних. А вот что касается совместного риска, то это дело вполне естественное – ведь мы, как правило, находились рядом, и на обоих хватило бы одной автоматной очереди или одной гранаты.

Однажды выбил наш полк гитлеровцев из небольшого поселка, расположенного западнее Шевченково, в непосредственной близости от железной дороги Купянск–Чугуев. Разместили в одном из домов штаб полка, но так как там постоянно толпились люди, то ночевать мы устроились в стоявшей несколько на отшибе небольшой хатке, привлекавшей тем, что ее хозяйка отвели нам довольно широкую, да еще и застеленную чистым

бельем кровать. Около дверей поставили часового, с удовольствием разделись и нырнули под одеяло. Засыпали мы тогда мгновенно, стоило только голове коснуться подушки или предмета, ее заменявшего.

Где-то среди ночи нас разбудила перестрелка, и тут же бухнул чуть ли не под самыми окнами одиночный выстрел. Быстро оделись, выскочили на улицу. Первое, что увидели, был лежавший шагах в пятнадцати от хатки немецкий солдат с зажатой в руке гранатой на длинной рукоятке.

Произошло же вот что. У полотна железной дороги, проходившей в нескольких десятках метров от окраины поселка, выставляли на ночь один из постов боевого охранения. Сержант – командир отделения комендантского взвода провел туда трех бойцов. На подходе к посту остановился, прислушался. Что-то показалось ему подозрительным, и он, приказав бойцам оставаться на месте и быть начеку, направился к часовому, выставленному у нашей хатки, чтобы и его предупредить о необходимости усилить осмотрительность. Не успел к нему подойти, как услышал в стороне, где оставил своих бойцов, оклик: «Стой, кто идет?» – и сразу же автоматные очереди, винтовочные выстрелы, а несколькими секундами позже – приближавшийся топот ног бегущего человека.

Сержант, опытный фронтовик, тут же упал на землю, приготовился к стрельбе из винтовки. И вовремя: из темноты на него буквально выскочил здоровенный гитлеровец с автоматом на груди и поднятой для броска ручной гранатой. Выстрел почти в упор сразил фашиста наповал.

Обо всем этом и рассказал нам сержант, вернувшийся вскоре после того, как выяснил, что же произошло на посту. Мы как раз закончили осмотр убитого и были удивлены, что на его мундире отсутствовали какие-либо знаки различия, а главное, не нашли в карманах ни одной бумаги, ни одного документа.

– Там, – заметил сержант, указав в сторону железной дороги, – красноармейцы еще одного такого же шлепнули. У него тоже – ни погон, ни документов. Не иначе как диверсионная группа. Разведали небось, где здесь расположились штаб, командный состав. Забросали бы дома гранатами, повыбили бы все руководство, а может, и «языка» захватили бы. Хорошо, у меня слух абсолютный, уловил, что кто-то идет в темноте. Могли просочиться – их ведь специально готовят.

Сержант рассуждал не только интересно, но весьма логично. Высказал он предположение и о том, что если основная группа диверсантов, нарвавшись на наш пост, предпочла бегство, то убитый около нашей хатки немец – может быть, нацистский фанатик – решил все же выполнить задание. Похоже, так оно и было. Вот почему мы с Петром в дальнейшем старались не ночевать на окраинах населенных пунктов, а тем более в чем-нибудь приметных домах вроде злополучной хатки, отличавшейся от других строений поселка не только размером, но и расположением.

Постоянная близость противника держала нас

в неослабном напряжении, создавала все новые неудобства. Вскоре пришлось расстаться еще с одной довоенной привычкой. И тоже по воле случая. Тогда мы ждали прибытия в полк пополнения, но поскольку о его продвижении ничего не знали, то договорились с Сироткиным, что будем по очереди дежурить в штабе круглые сутки. После одного из таких дежурств я в два часа ночи вернулся в дом, в котором мы жили, разбудил отдыхающего Петра, а когда он отправился в штаб, улгелся в теплую постель и тут же уснул.

Разбудил меня сильный стук в дверь и ставни окон. В темноте слышались топот босых ног по дощатому полу и причитания хозяйки – пожилой женщины, которая большую часть суток проводила на печи. Теперь она испуганным голосом выкрикивала одно и то же:

– Немцы! Ой, господи, немцы! Ой, господи, немцы!

Меня с кровати как ветром сдуло. Схватил предусмотрительно положенные на стол пистолет, гранату – и к окну. Сквозь щель в разошедшей ставне разглядел силуэты красноармейцев, прыгавших с ноги на ногу, ругавшихся и барабанивших в дверь и окна. Ну конечно же – пришло пополнение! Замерзли бойцы, хотят обогреться.

– Успокойтесь, – говорю хозяйке, – это наши, только еще не знают, где должны размещаться. А на дворе морозище. Открывайте!

А та с перепугу забила в угол, что-то бормочет. Пришлось самому выскочить в одном белье в сени, откинуть крюк и, открыв дверь, скомандовать:

– Десять человек, заходи, остальные – в соседние дома!

Хочешь не хочешь, а надо отправляться в штаб. Выслушав меня, Сироткин расхохотался, а потом стал серьезным и сказал:

– Знаешь что, дружище, а ведь могли оказаться и на самом деле немцы. Что-то у нас не сработало: никто колонну не встретил, не сопроводил ее до штаба, как было задумано. За такие осечки, раз они возможны, легко поплатиться головой. Ну, с этим разберемся, а вот подумать стоит и о другом. То, что мы оружие всегда держим рядом, – это правильно. Но случись прорываться из окруженного дома, придется в одном белье по морозу бегать. Не пристало такое советскому командиру. Так что давай с завтрашнего дня будем снимать на ночь только сапоги, а с «барской» привычкой раздеваться перед сном покончим, пока мы на передовой.

Представил я мысленно, как бы все выглядело, если бы подняли меня с постели не наши бойцы, а вражеские солдаты, и согласился.

Известно, что будничное забывается быстро: хочешь вспомнить, а не за что зацепиться – все гладко, однообразно. Но бывают дни, которые остаются в памяти на всю жизнь. Одним из таких для меня стало 31 января 1942 года, когда я получил первый в жизни орден – орден Красной Звезды.

В штабе дивизии, куда в тот день были вызваны несколько человек из нашего полка, мы узнали, что награды будет вручать член Военного совета 38-й

армии бригадный комиссар В.М. Лайок. Помимо бойцов и командиров нашей части сюда же прибыла группа воинов из подразделения гвардейских минометов. Нам еще не приходилось сражаться во взаимодействии с «катюшами», только удалось услышать издали их голос в первых числах октября минувшего 1941 года, во время обороны Милорадово. Позже узнали, что тогда реактивные минометы поддерживали наших кавалеристов, наступавших с севера на юг вдоль реки Ворскла. Постепенно немало наслушались о сокрушающей мощи нового оружия, об огромных потерях, которые оно наносило врагу. Нам бы такое сюда! Но пока вот только с некоторой завистью поглядывали на представителей молодой Советской гвардии – отличившихся в боях воинов гвардейских минометных частей. Внешне – ничего богатырского, такие же, как и мы. Но уже знали и то, что сверхсекретное оружие доверяли людям всесторонне проверенным и надежным. Значит, такими они и были на самом деле.

В штабе соединения прибывших на церемонию вручения наград встретили командир дивизии полковник В.В. Давыдов и полковой комиссар Ф.Н. Дроздов. Какое-то время люди знакомились друг с другом, оживленно беседовали, то тут, то там слышались шутки, смех – жизнь, молодой задор и на фронте брали свое.

Но вот ко мне подошел полковой комиссар Дроздов и попросил (именно попросил, а не приказал) построить награждаемых, по прибытии члена Военного совета армии доложить ему о цели построения, а в конце торжества выступить от имени награжденных однополчан. Естественно, эти дополнительные почетные обязанности добавили и волнения. Однако все обошлось хорошо.

На другой день армейская газета опубликовала репортаж об этом событии. Разумеется, я вырезал его и отослал вместе с письмом домой.

Бригадный комиссар В.М. Лайок выступал спокойно, говорил проникновенно, искренне, для каждого награжденного находил теплые слова. Мне он сказал примерно следующее: «Поздравляю с высокой наградой. Особенно рад, что вручаю орден не младшему, как сказано в приказе, а уже старшему лейтенанту. (Это звание было присвоено накануне награждения.) Желаю дальнейших боевых успехов».

После награждения гвардейцы уехали в свою часть, а наша группа из 617-го стрелкового полка осталась на праздничный ужин, организованный командиром и комиссаром дивизии. Запомнилось короткое выступление полковника Давыдова, который подчеркнул, что мы теперь не просто бойцы, командиры и политработники Красной Армии, но еще и орденосцы. А орден, медаль на груди обязывают быть примером для всех, кто воюет в рядах Красной Армии против гитлеровского фашизма.

Орден Красной Звезды был всегда на моей гимнастерке, он постоянно заставлял меня быть настороже по отношению к самому себе. Больше всего я боялся сделать что-либо такое, что могло бы уронить меня в глазах других как командира, коммуниста и орденосца.

Награждение орденами и медалями отметили, конечно, и в полку. По этому поводу был устроен небольшой концерт самодеятельности. Оказалось, что Сироткин прекрасно играл не только на пианино, но и на баяне. Под его аккомпанемент, лихо приплясывая, пела звонким голосом частушки одна из наших радисток – Марина Фаустова.

После войны я очень долго ничего не знал о ее судьбе, и вдруг весной 1979 года услышал по телефону веселый голос: «Евгений Михайлович, здравствуйте! Это я, радистка 617-го полка, помните, Вы меня еще Чижиком звали?» И сразу же из глубины памяти всплыл образ невысокой, светловолосой, никогда не унывавшей девушки, которую я когда-то действительно называл Чижиком. Это она вместе со своей фронтовой подругой переводчицей Татьяной Сергеевной Смирновой под вражеским обстрелом вплавь переправлялась через реку Оскол. Таким же способом Марине Георгиевне пришлось форсировать и Дон. Во время Сталинградской битвы она была ранена.

И вот теперь узнал, что Марина вышла замуж за бывшего командира артиллерийской батареи Александра Филипповича Воронова. Александр Филиппович после расформирования 199-й дивизии воевал на Ленинградском фронте. Был тоже ранен. Сейчас у них трое взрослых детей, все получили высшее образование; одна из дочерей стала кандидатом наук. 23 февраля 1980 года – в День Советской Армии и Военно-Морского Флота – Петр Сироткин, Татьяна Смирнова и я были гостями в этой дружной семье, сидели рядом со своими однополчанами и вспоминали о том, как сражались за счастье Родины, за мирную жизнь, крепкие семьи, счастье детей.

Татьяна Сергеевна Смирнова приехала к нам в полк в звании лейтенанта. Она была студенткой Историко-философско-литературного института (ИФЛИ) и направлена в наш полк переводчицей немецкого языка. Встретили ее приветливо. Подкупали юность, простота в обращении и в то же время серьезность. Я подарил ей маленький трофейный пистолетик. Татьяна Сергеевна отступала с полком летом 1942 года и, в конце концов, оказалась в Сталинграде переводчицей в штабе 62-й армии генерала В.И. Чуйкова.

Во время войны ИФЛИ влили в Московский университет и мы встретились с Таней в День Победы на митинге в Коммунистической аудитории МГУ. Она заканчивала университет. Затем мы долго не встречались. Лишь в 1974 году Татьяна Сергеевна позвонила мне на работу и дала номер своего телефона, который я легкомысленно записал на какой-то бумажке и умудрился потерять. Было ужасно жаль.

Потом я получил от нее открыточку:

«Дорогой Евгений Михайлович! С Новым годом Вас поздравляет одна бабушка, которой Вы (когда она была еще маленькой) подарили... маузер! Теперь можно признаться, что я очень гордилась подарком и сохранила его до Москвы, вплоть до демобилизации. В преддверии 30-летия Победы особенно часто

приходят на память трудные дни 617-го полка. Надеюсь, что мы когда-нибудь соберем ветеранов.

Самые добрые Вам пожелания! Здоровья и успехов во всем! Татьяна Смирнова, бывш. переводчица 617-го».

В середине февраля 1942-го меня вызвали в штаб дивизии. На случай, если по каким-то обстоятельствам задержусь, я сунул в полевую сумку туалетные принадлежности, бритву, а в вещмешок три буханки душистого свежеспеченного хлеба. Надо мной еще посмеялись: «Зачем столько набираешь, зимовать там собрался?» Отшутился, что, дескать, наш полковой хлеб – самый вкусный, буду в дивизии угощать вместо пряников. И поехал.

А в штабе дивизии меня ждал, оказывается, «сюрприз» – приказ о немедленном убытии в распоряжение штаба 38-й армии. Вот тебе и «зимовка»! А что, если действительно надолго? Ведь все мое, пусть и немудреное, но с трудом собранное за пять месяцев, прошедших после пропажи московского чемодана, имущество осталось в штабе полка. Я возмутился:

– Что же Вы не передали, что меня отзывают в штаб армии? Я хотя бы вещи свои взял.

– Да не беспокойтесь, Вас, наверное, за ними отпустят или прикажут переслать.

Приехал с ординарцем в штаб армии, зашел в отдел кадров и сразу получил нахлобучку:

– Где Вы пропадали? Эшелон отходит через два часа. Вы направляетесь в Воронеж, в учебный центр Юго-Западного фронта. Будете там учиться на начальника штаба полка.

– Позвольте, – возразил я, – какая учеба, когда идет война. Весной немцы наверняка начнут активные действия, а в полку и без того большой недокомплект.

– Учеба – дело приказное, как и все в современной армии, – сухо ответил кадровик. – Надо полагать, что о возможном характере боевых действий, укомплектованности частей и вопросах подготовки кадров думаете не только Вы. Поэтому выполняйте приказ, да поторапливайтесь.

Остались без внимания и мои, как теперь понимаю, действительно не слишком основательные доводы о том, что даже не успел попрощаться с товарищами, что не взял с собой никаких вещей.

– Ничего страшного, товарищей увидите, когда вернетесь обратно в дивизию. Надо полагать, что сохранят они и Ваше имущество.

Ничего тут не поделаешь. Получил документы, написал коротенькую записку Сироткину и передал ее ординарцу. Доехали мы с ним до железнодорожной станции города Купянск, разыскали эшелон, идущий на Воронеж, а в нем теплушку для комсостава. До свидания, родной 617-й стрелковый полк! А может быть, прощай? Кто мог это знать...

Глава 13 В учебном центре

Теплушка оправдывала свое название: в железной печурке потрескивали дрова, придавая помещению

своеобразный уют, мягко, неназойливо мерцал фонарь «летучая мышь», не высвечивая крашенных суриком стен и потолка. В вагоне оказалось всего четыре человека, все – военные врачи, получившие назначение на другой фронт.

Встретили они меня приветливо, предложили чаю. В ответ на любезность я выложил на сколоченный из неоструганных досок стол одну из буханок хлеба. Во время чаепития стало еще теплее, и мы сняли шинели. Сидели, неторопливо беседовали, время от времени посматривая на часы: что-то долго поезд не трогался.

Завыли сирены, предупреждая о воздушной тревоге. Нам-то как на нее реагировать? Ничего не придумали лучше, чем продолжать беседу, как будто ничего не случилось. И все же невольно тревожно переглядывались и чутко прислушивались к тому, что происходило за пределами вагона. Вот уже открыли огонь зенитки, прикрывавшие станцию, и тут один из врачей вспомнил:

– Черт возьми, а ведь в нашем эшелоне несколько вагонов с авиабомбами и другими боеприпасами. Можно принять самое непосредственное участие в грандиозном фейерверке.

Вот уж действительно нашел время для вдохновляющей информации! А тут и душераздирающий визг бомбы, прогремевший где-то неподалеку взрыв. За ним второй, третий... Вздрагивал вагон, качалась «летучая мышь». Инстинктивно хотелось куда-то спрятаться. Усилием воли заставил себя достать кисет с махоркой, свернуть самокрутку, вставить ее в мундштук и закурить.

Несколько бомб разорвалось довольно близко, но «фейерверка» не произошло. После отбоя тревоги эшелон, наконец, тронулся с места. Ехали медленно, с продолжительными остановками, так что в Валуях оказались только утром. Побежал я на телеграф, чтобы отправить весточку родным, и у входа в здание вокзала лицом к лицу столкнулся с Олейником – тем самым старшим лейтенантом, которому передал взвод в резерве Юго-Западного фронта. Только теперь на петлицах его гимнастерки вместо трех кубиков были нашиты три матерчатые шпалы, а на груди сверкали два ордена. Я на секунду опешил: он ли?

– Товарищ подполковник, вы ли это?

– Здорово, Сергеев, я самый! Рад видеть тебя живым. Да и повоевал ты, судя по «звездочке», неплохо.

– Как учили. А у вас, я вижу, еще лучше получилось.

– Куда уж лучше, если нашпиговали меня фашисты железом, а теперь после госпиталя еду долечиваться в Кисловодск. Ну, прощай, мой эшелон сейчас тронется, а до него еще доковылять нужно.

Тяжело ступая, подполковник направился к своему вагону. Встретимся ли мы еще когда-нибудь?

В Воронеж приехали 21 февраля. Я разыскал управление кадров штаба Юго-Западного фронта и там узнал, что учебный центр базируется в селе Самойловка, что в двухстах километрах от Саратова, а ехать надо до железнодорожной станции Три Острова, которая находится между Балашовой и

Камышином.

На вокзал из управления кадров я ехал вместе с Иваном Титовым, тоже старшим лейтенантом. Он был кадровым командиром и встретил войну вблизи нашей западной границы. Буквально за несколько дней до этого он женился на девушке, которой только исполнилось восемнадцать лет. Где она, что с ней – он не знал, тосковал и беспокоился.

Все это мне стало известно позднее, во время нашего совместного пребывания в учебном центре. А по дороге на вокзал выяснилось, что мой попутчик и есть тот самый Титов – начальник штаба соседнего стрелкового полка, с которым мне не раз приходилось разговаривать по телефону. Этот полк, входивший в состав другой стрелковой дивизии 38-й армии, был у нас притчей во языцех благодаря его боевым успехам: то вражеский опорный пункт возьмет, то очень нужного «языка» захватит, то успешно отобьет внезапную атаку. На мой вопрос, как это им все удавалось, Титов ответил:

– Никакого секрета нет. Просто подобрался хороший состав командиров, политработников, бойцов. Один батальон Олейника чего стоит – все, как один, в своего командира.

– Какого Олейника? – встрепенулся я и рассказал Титову о встречах со «своим» Олейником.

– Да, это наверняка он, – задумчиво сказал собеседник, – Храбрейший командир, хотя и очень своеобразный. Скажем, идет наступление, его батальон атакует, а он на КП сидит и патефон слушает. Кто-нибудь доложит, что батальон залег, дальше продвинуться невозможно, Олейник сразу преобразится: «Как залег?» Прибежит, не сгибаясь, в переднюю цепь, поднимет над головой пистолет: «Замной! Бей фашистскую сволочь!» Поднимаются все до одного и уж, будьте уверены, не остановятся, пока не выполнят задание. В последнем бою Олейник был ранен в ногу, но продолжал командовать батальоном. Вторая пуля попала ему в шею, и, несмотря на это, он покинул поле боя только по приказу командира полка.

У окошечка вокзальной кассы мы познакомились еще с одним будущим слушателем, капитаном П.А. Фильджаном. Втроем и сели в вагон. Рядом с нами ехали две молоденькие девушки, как мы поняли из их беседы, на работу. Постепенно завязался общий разговор. Один из нас шутливо задал в общем-то тривиальный вопрос:

– Наверное, дома вам пирогов в дорогу напекли?

– А как же, без этого не ездим.

– Ну, вот и хорошо, сейчас будем чай пить. Есть кипяток, заварка, сахар. Давайте свои пироги, давно домашнего теста не пробовали.

Тут одна из девушек не выдержала, горько заплакала:

– Какие пироги? Неужели вы и правда подумали, что у нас пироги есть? Да мы вкус обычного хлеба едва помним.

Вот досада! Сами того не желая, обидели девушек, забыли, как живет нашим людям в тылу, на какие жертвы они идут, чтобы вооружить, одеть, накормить защитников Родины. Я торопливо достал из

вещмешка последнюю буханку хлеба и увидел, какую радость доставило это, не упоминаемое в кулинарных книгах, блюдо нашим юным попутчицам.

Когда в послевоенные годы я вспоминал этот эпизод в поезде, ту последнюю буханку из своего вещмешка и истосковавшихся по обыденному хлебу двух девушек, то невольно думал о том, как мы должны дорожить хлебом, как высоко должны ценить нелегкий труд хлебороба.

Не знаю, по каким соображениям собирались разместить учебный центр фронта в небольшом районном центре Самойловка. Здесь не оказалось условий ни для занятий, ни минимальных бытовых. Потеряв впустую несколько дней, мы были отправлены обратно в Воронеж. За время этих переездов я подружился с Иваном Титовым, привлеком меня неизменной выдержкой и доброжелательностью к людям и в то же время решительностью суждений, умением отстоять свои взгляды и убеждения, убеждения коммуниста и советского патриота. Такие люди нужны всегда, повсюду и всем. На войне – особенно. Вот так и случилось, что у меня появился еще один фронтовой друг.

15 марта я отправил жене из Воронежа открытку и просил ее писать мне на главпочтамт до востребования. Казалось бы, невелико событие, но на самом деле я обрел на какое-то время постоянный адрес и теперь мог узнать, что делается дома, как живут близкие и любимые люди.

В Воронеже нас разместили сначала в показавшихся просто роскошными номерах городской гостиницы. Но вскоре слушателей переселили в казармы, где и обосновался, наконец, учебный центр Юго-Западного фронта, в котором проходил переподготовку командный состав, начиная от командиров взводов и кончая командирами полков. Начальником центра был генерал-майор С.И. Недвигин, носивший кавалерийскую форму и всем своим видом, особенно усами, напоминавший Буденного, а нашим 1-м учебным полком командовал полковник А.П. Николаев.

Первая рота нашего батальона была самой «привилегированной» – в ней готовили командиров полков. Во второй роте, в которую определили Титова, Фильджана и меня, готовились штабные работники: начальники штабов полков, сотрудники штабов дивизий. В большинстве своем слушатели уже имели опыт практической работы в должностях начальника штаба полка или его помощников. Отношения между слушателями сразу же сложились хорошие, товарищеские, занимались все серьезно, отчетливо представляя, насколько сейчас важны новые знания, соответствующие требованиям и условиям такой огромной по масштабам войны, как Великая Отечественная.

Надо сказать, что преподавательский состав в центре был достаточно квалифицированным, и по многим дисциплинам, особенно таким важным, как тактика и техника штабной службы, я лично значительно пополнил свой багаж, стал достаточно быстро и, как правило, безошибочно разбираться

в сложных ситуациях, которые содержались в предлагаемых нам вводных.

Больше всего из наших начальников мы уважали и любили двух человек: основного своего преподавателя, майора, обучавшего нас тактике и технике штабной службы, и батальонного комиссара, комиссара нашего батальона. Майор казался нам уже пожилым человеком, носил мушкетерские усы и бородку, обычно пользовался очками. От него так и веяло интеллигентностью. Мы уважали и слушались его беспрекословно за отличное знание своих предметов.

Растущее благодаря хорошо поставленному учебному процессу чувство уверенности в своих силах и возможностях позволило мне сообщить жене в письме от 20 апреля: «...не жалею, что попал на учебу. Несмотря на некоторые «накладки», главным образом бытового характера, получил много новых, очень нужных для меня знаний».

Не скажу, что «накладки», о конкретном содержании которых я в письме, естественно, умолчал, были такими уж незначительными. Думается, прояви командование побольше заботы о слушателях, результаты учебы оказались бы более высокими. Начать хотя бы с того, что жили мы в неотапливаемых каменных казармах. Температура в марте и апреле в комнатах не поднималась выше пяти градусов тепла. Поэтому шинелей не снимали практически в течение всего дня. Вечером трудно было заставить себя раздеться, улечься в холодную, влажную постель, укрыться с головой стареньким, тоненьким одеялом и опять же шинелью. Свет в комнате на ночь не гасили, памятуя, что лампочки излучают хоть какое-то тепло.

В отличие от фронтового бытия, где день и ночь становились понятиями относительными, здесь царил твердый распорядок дня. Поднимали нас в 6 часов утра. В 7 часов – завтрак, в 15 – обед, в 20 – ужин. Нормальное, казалось бы, трехразовое питание имело, увы, лишь одно преимущество перед питанием на передовой – регулярность. Кормили же здесь хуже, чем на фронте, нередко даже значительно хуже. Случалось, кто-то поднимал этот вопрос перед снабженцами, но получал стереотипный, в общем-то правильный, ответ: «Вы разве не знаете, что идет война? А подумали о тех, кто сейчас мерзнет в окопах?» Как же не подумали, если сами не из санатория сюда приехали! Но аргументация наших оппонентов была достаточно надежной, так что приходилось терпеть.

Хорошо, что далеко не все прятались за фразой, уходили от ответов на острые вопросы. Огромным уважением в батальоне пользовался его комиссар (к величайшему моему сожалению, не запомнил его фамилию). С ним можно было откровенно говорить на любую тему, зная, что он обязательно откликнется, убедит, поможет. Да и держался он со слушателями просто, как подобает настоящему политработнику, хотя и не панибратски. Сам он был авиатором, в минуты откровенности признавался, что тоскует по летной части, откуда его откомандировали по состоянию здоровья, все сделает, «мыслимое и

немыслимое», чтобы вернуться в авиацию.

Разгильдяев он терпеть не мог, требовал соблюдения железной дисциплины, но становился на нашу сторону, когда мы нарушали внутренний распорядок в погоне за культпрограммой.

Весь день мы напряженно занимались, а после ужина у нас было свободное время. Но кому оно нужно, это свободное время, если в центре не было даже библиотеки, а ты в шинели и шапке сидел в холодной казарме? Между тем стоило затратить всего лишь один час на дорогу – и ты оказывался в городе, где сравнительно легко можно было попасть в театр, кино, цирк. Ради этого стоило отказаться и от малоаппетитного ужина.

Мы не раз обращались к руководству центра с просьбой организовать культпоходы или разрешить нам по очереди ходить в город по увольнительной, но получали отказ. И тогда бывалые фронтовики, боевые командиры, словно несознательные новобранцы, стали удирать в самоволку, смело минуя со своими кубиками и шпалами проходную, где дежурили от силы сержанты.

На вечерней поверке то и дело кого-то не доставало. Командир роты, которого тоже можно было понять, выходил из себя, обещал принять сверхсуровые меры, но нарушители обычно являлись прямо к комиссару батальона, докладывали, где были, предъявляли билеты, рассказывали о своих впечатлениях. На этом все и заканчивалось, если... если от прибывшего не пахло спиртным. В таком случае комиссару лучше было не показываться и провинившиеся предпочитали получить любое взыскание от командира роты, но не потерять доверия у комиссара. Впрочем, такого рода ЧП всего-то и было одно или два.

Мне как секретарю парторганизации роты неудобно было ходить в самоволку. Батальонный комиссар понимал это и иногда, зная, что я дружен с Титовым, сам вручал нам увольнительные, советовал, куда пойти. Так, однажды по его рекомендации мы оказались в драматическом театре, где шла новая тогда пьеса «Парень из нашего города». Нечего говорить, что несколько дней были под ее впечатлением. Удалось нам просмотреть несколько кинофильмов, побывать на концерте в Доме Красной Армии. И всем этим мы были обязаны нашему батальонному комиссару, который утверждал, что культурный досуг воинов является одним из важных элементов их боевой подготовки.

В Воронеже, впервые после отъезда из Москвы, я начал получать много писем: от родных (уже и от дочки), университетских товарищей и, конечно же, от фронтовых друзей. Много радости доставляли письма П.И. Сироткина. В допустимых пределах он сообщал о том, чем жили однополчане, об успехах и неудачах в боях, радостях и переживаниях, а на войне одно ходит рядом с другим. Из его писем я узнал о гибели нашего командира дивизии полковника В.В. Давыдова и некоторые подробности этого тяжелого события.

8 марта 1942 года Давыдов приехал в наш полк, ознакомился с обстановкой, после чего решил пройти на НП, который располагался на ветряной

мельнице, стоявшей на бугре неподалеку от поселка Василенково. В светлое время суток добираться туда было слишком рискованно, ибо идти надо было по ровному, простреливаемому противником полю. Да и сама мельница не раз подвергалась артиллерийским налетам. Однако этим доводам командира полка Давыдов не придал особого значения и от своего замысла не отказался.

Вместе с полковником, естественно, пошли командир и комиссар полка, адъютанты, связисты. Образовалась группа людей, которая не могла не привлечь внимания противника. Когда они находились уже около мельницы, немцы дали залп из минометов. Услышав свист мин, все бросились на землю. Все, кроме Давыдова, который, как бы раздумывая, стоит ли кланяться вражеским минам, медленно опустился на бедро, оперся о землю рукой. Мины взорвались. Все остались невредимы, и только один осколок попал прямо в сердце комдива.

Вот что я написал жене в апреле: «На днях получил подтверждение, что убит полковник Давыдов, наш командир дивизии. Замечательный он был командир: культурный, спокойный, храбрый и знающий. Расцеловал меня, когда вручили мне орден, и пожелал успехов. Сам же он имел несколько орденов. И вот такого командира не стало. Невосполнимая и очень обидная потеря».

К 1 мая у нас должны были закончиться занятия, и за пять дней до этого долгожданного события я писал жене: «...пока это письмо дойдет до тебя, пока вернется твой ответ, меня, наверное, здесь уже не будет. Всей душой я уже рядом со своими боевыми друзьями, с нетерпением жду встречи с ними на передовой, где теперь смогу принести еще больше пользы...» Но на этот раз не все получилось как по писаному.

Нет ничего удивительного в том, что все экзамены я сдал на «отлично» – для человека с университетским образованием и определенным боевым опытом иной результат был бы просто неправомерным. Сразу настроился на отъезд и, конечно же, в свой полк. Но тут произошли непредвиденные события. Началось с того, что в учебный центр приехал майор – представитель находившейся в то время в Ташкенте Военной академии имени М.В. Фрунзе, с целью отбора командиров для обучения в ней, продолжительность которого составляла тогда шесть месяцев. Из состава роты ему приглянулись Иван Титов, я и еще один кадровый командир, лейтенант, казах по национальности – высокий, стройный, с волевым лицом, всегда подтянутый и аккуратно одетый.

Майор детально ознакомился с нашими личными делами, поэтому, беседуя с нами и словно предвидя какие-то возражения, не столько расспрашивал, сколько рассказывал об академии, называл прославленных военачальников – ее выпускников, объяснял, насколько нужны для победы над сильным и коварным врагом командиры высокой квалификации, какую может дать только военная академия. Он говорил, что война будет тяжелая, что шесть месяцев – срок небольшой, и мы успеем еще повоювать, но зато будем квалифицированными командирами. И

вот нас троих, только что мечтавших как можно скорее вернуться на фронт, к своим товарищам, вдруг увлекла перспектива окончить академию. Это может показаться непоследовательным, нелогичным, но так было. Возможно, здесь сыграли роль не только красноречие майора, но и уже осознанная необходимость воевать по-новому, на основе последних достижений военной науки. То, что мы пережили за минувшие полгода с небольшим, не должно было повториться.

Получив наше согласие, майор сказал, что нужно через своего командира подать рапорты на имя начальника учебного центра. Рапорты мы написали и передали. В тот же день последовал вызов к полковнику Николаеву.

Привели себя в образцовый порядок и отправились к командиру полка. Вошли в кабинет, доложили, что такие-то прибыли по приказанию. Стоим, ждем решения. Полковник оторвал взгляд от лежавших перед ним наших рапортов, посмотрел на нас явно недружелюбно.

– Вот что, – холодно сказал он наконец. – Судя по вашей писанине, вы забыли, что сейчас идет война. Или как раз именно поэтому захотелось подальше в тыл забраться, пусть, мол, другие повоюют? Отсиделись в Воронеже, а теперь вот на фрукты в Ташкент потянуло? Я еще подумаю, как с вами поступить. И запомните: всякие там представители академий мне не указ. Идите!

Мы слушали эту тираду, не веря своим ушам. В душе прямо-таки клокотало от незаслуженных подозрений и обвинений. По команде «Идите!» мы, словно заранее сговорившись, дружно повернулись через левое плечо и, демонстративно печатая шаг, пошли к двери, хоть этим давая выход охватившим нас чувствам.

Полковник, видимо, не понял нашего состояния. Он скомандовал нам: «Стой!», «Кругом!», «Три шага вперед, марш!». Все это мы выполнили безукоризненно. И вновь были ошарашены. Полковник вдруг заулыбался и четко, с расстановкой произнес:

– За отличную строевую подготовку ходатайствую перед командованием центра о направлении вас в академию.

Первым после затянувшейся паузы отреагировал Иван Титов:

– Товарищ полковник, прошу вернуть мне рапорт. Я отказываюсь ехать в академию.

За ним сделал шаг вперед и я:

– Товарищ полковник, прошу вернуть и мой рапорт.

Такое же заявление сделал и лейтенант-казах.

Теперь настала очередь растеряться полковнику. Он вскочил со стула и закричал:

– Это – коллективка! За такое в военное время отдают под трибунал! Я уже полностью пришел в себя и спокойно возразил:

– Никак нет, товарищ полковник, вовсе это не коллективка. Просто Вы нам очень убедительно объяснили, что идет война, а, следовательно, в академию ехать не время. Вот мы и просим послать нас обратно на передовую. За это не судят.

Вот так и ушли мы со своими рапортами в руках, которые сразу же после выхода из штаба порвали в клочья.

Крепко ругал нас поначалу представитель академии «за малодушие», но и он в конце концов понял, что в сложившейся для нас ситуации ни о какой учебе не могло быть и речи.

Прошли годы, десятилетия... Вспоминая о пребывании в учебном центре, я думал: а все ли было таким однозначным, как казалось тогда? Какими были на самом деле те люди, коим доверили готовить слушателей к грядущим боям? Нет, недаром говорят, что время – лучший лекарь или судья! Сейчас многое из того бескомпромиссного прошлого смотрится более мудро, что ли, во всяком случае легче понять несколько подрастерявшихся в период неудач на фронтах наших командиров-наставников. В самом деле, как надежно учить науке побеждать, когда она формально существует, а отдачи от нее маловато? Как строить взаимоотношения с подчиненными, какой взять тон, если на фронте все еще основным приказом было не «Вперед!», а «Ни шагу назад!»? И кто знает, может быть, за внешней суровостью, не всегда логическими словами и поступками людей стояли более высокие помыслы, чем могло показаться сгоряча.

Сейчас полагаю, что нелегко было и хозяйственникам из той ЧМО – части материального обеспечения, коей надлежало снабжать нас, слушателей, всеми видами довольствия. И положила руку на сердце, трудности, испытываемые так называемым переменным составом учебного центра, призванным прежде всего успешно освоить курс переподготовки, едва ли были соизмеримы с теми проблемами, которые возникали у организаторов учебного процесса в тыловой зоне, жизни и быта обучаемых. Отсюда, очевидно, и разного рода недоразумения, недоуменные вопросы, ответы на которые давала лишь сама война, правильно, во всех взаимосвязях воспринимать которую всем нам нужно было еще учиться.

После визита к комбату, последствия которого оказались достаточно неожиданными, прошло еще несколько дней. Мы ждали, что будет дальше.

Вызвали, наконец, меня и Титова в штаб учебного центра. Мы думали, что идем для направления к месту дальнейшей службы, надеялись, конечно, что вернемся в свои части, но... нам объявили о зачислении в штат учебного центра преподавателями, вручили заготовленные уже служебные удостоверения и предложили немедленно подыскать себе квартиры в городе.

Вот так! Штаб центра – не батальон, инстанция для нашего брата – среднего командира – весьма высокая, диспутов здесь с руководством не устроишь. Да и предложили ведь почетное дело – готовить кадры для фронта. Осталось только сказать «Есть!» – и приступить к новым обязанностям.

Кто-то из слушателей, уезжавших в родную часть, назвал адрес своих знакомых в Воронеже, и мы с Титовым впервые с начала войны стали квартиросъемщиками.

Уже на следующий день утром я был поставлен в известность, что должен проводить занятия по тактике и технике штабной службы со взводом, укомплектованным военными инженерами, которых решили переквалифицировать в ПНШ-1. Тактику и технику штабной службы, как я уже отмечал, преподавали у нас замечательно, знания были свежи в памяти, и можно было смело браться за дело.

Занятия по тактике с самого начала я проводил в основном на местности, подкрепляя положения боевого устава конкретными примерами из собственного военного опыта, что, как мне казалось, понравилось слушателям. Мне думалось также, что я нашел главное в учебном процессе – конкретность и предметность каждого занятия, анализ различных ситуаций с привлечением к этому слушателей. Собственно, в этом не было никакого открытия, такой подход к преподаванию я вынес из стен университета. Все это, увы, оказалось в данном случае не главным, а точнее, не принятым.

Уже на третий день занятий явился проверяющий, походил, присмотрелся, исписал полблокнота, а затем, отозвав меня в сторону, объявил, что к занятиям я совершенно не подготовлен. Оказывается, мне нужно было написать внушительный конспект, содержащий темы и цели занятий, вопросы преподавателя и правильные ответы на них слушателей, основные положения уставов и наставлений, приказов и распоряжений и многое-многое другое.

Ну, если так положено, то спорить не о чем. Просидел я над конспектом пару ночей, закончил, перечитал, и повеяло от него таким формализмом, начетничеством, далекими от живого фронтового опыта, полученных в центре полезных и нужных зданий, что понял: это не для меня. Решил твердо: добиваться направления в свою дивизию, в свой полк. Но как это сделать? И опять помог случай.

С конспектом в планшете, невыспавшийся, в плохом настроении, шел я утром на завтрак по двору учебного центра. И вдруг – глазам своим не верю – навстречу мне, не торопясь, идет комиссар нашей 199-й стрелковой дивизии Федор Никонович Дроздов. Всмотрелся, не ошибаюсь ли? Нет, точно он! Догоняю:

– Товарищ полковой комиссар, разрешите обратиться?

– Ба, Сергеев!

– Здравия желаю, товарищ полковой комиссар!

– Здравствуй, здравствуй! А ты что же, братец, задержался? Тебя в дивизии ждут, твой, как я знаю, друг Сироткин уже несколько раз справлялся, когда же вернешься. Или жизнь в Воронеже чем-то приглянулась?

– Какое уж там приглянулась, товарищ полковой комиссар! Не пускают в дивизию, оставили преподавателем в центре. А мне очень хочется вернуться в свой полк, к товарищам. Помогите, пожалуйста.

– Постараюсь помочь. Я ведь тоже получил новое назначение – в политуправление Юго-Западного фронта. А сюда приехал с первым заданием: возглавляю комиссию по проверке деятельности

центра. Сейчас иду к генералу Недвигину, поговорю с ним заодно и о тебе. Если есть свободное время, то пойдем со мной, можешь понадобиться.

Иду с полковым комиссаром.

– Знаешь, – говорит, – что в 617-м новый командир полка?

– Никак нет. А кто же?

– Думаю, порадуешься: капитан Сироткин.

– Сироткин? Так это же замечательно! Вот бы меня к нему начальником штаба!

– Чего не могу обещать, того не могу. Попробую только добиться откомандирования тебя в распоряжение штаба 38-й армии, а дальше – это уж как там решат.

В штабе учебного центра Дроздов оставил меня в приемной, а сам прошел к генералу Недвигину. Минут через пять раздался звонок, адъютант скрылся за обитой клеенкой дверью и тут же пригласил меня к начальнику центра. Я вошел в просторный кабинет, представился.

Генерал Недвигин внимательно посмотрел мне в глаза и, как показалось, осуждающе сказал:

– Не уверен, что Вы правы, отпрашиваясь обратно в часть. Ведь нам здесь очень нужны наставники, имеющие высшее образование и боевой опыт, чтобы готовить командиров, не просто способных остановить врага, но и разгромить его. Я не отпустил бы Вас, если бы не знал, что, когда человек не отдается целиком порученному делу, не видит в нем цели жизни, он не сможет работать в полную силу. Что скажете?

– Товарищ генерал, я теперь живу одной мыслью: хочу быть на фронте и, если можно, в своей части.

Семен Иванович задумчиво покрутил кончик пышных усов, хитро прищурился и спросил:

– А может быть, послать вас в академию имени Фрунзе? (Видно, дошла до него наша история с рапортами.)

– Я прошу направить меня на фронт, товарищ генерал!

– Ну что же. На фронт так на фронт! – И нажал кнопку звонка.

Вошедшему адъютанту генерал приказал:

– Проследите, чтобы подготовили документы об отчислении старшего лейтенанта Сергеева из числа преподавателей учебного центра, выписали ему направление в штаб 38-й армии и проездные до станции Купянск. – И обратился ко мне: – Желаю успехов, старший лейтенант!

В приемной, где я задержался в ожидании полкового комиссара, Дроздов подошел ко мне, пожал руку:

– Желаю и я тебе удачи. Воюй, как подобает коммунисту.

Я поблагодарил, отдал честь и, узнав у адъютанта, что все бумаги могу получить через час, отправился к своим слушателям. Попрощался с ними, доложил старшему преподавателю по тактике о своем назначении, собрал скудные вещички и разыскал Ивана Титова. Он и проводил меня на вокзал. Это было 25 мая 1942 года.

А 26 мая я послал открытку жене: «Дорогая Шура!

Пишу тебе с дороги. Еду обратно на фронт, надеюсь, что в свою дивизию, но удастся ли это, еще не знаю. Ты, пожалуйста, не беспокойся, уверен, что все будет хорошо. Не хочу от тебя скрывать, что еду по собственному желанию».

Кажется, впервые и в последний раз за всю мою фронтную жизнь получил я в ответ плохо скрытый упрек: неужели, дескать, нельзя было остаться в учебном центре, перестать рисковать жизнью, которая так дорога родным и близким? Читал, перечитывал, не мог поверить, что такое написала мне жена, так стойчески проводившая меня на фронт. Только много позже узнал, что мое письмо пришло тогда, когда сразу несколько знакомых жены получили похоронки.

Судьба – дело труднопредсказуемое. Не знаю, остался бы я в живых, если бы не уехал из Воронежа на фронт. Летом 1942 года враг предпринял наступление на Воронеж. Оно развивалось очень быстро, и танковые части противника появились под городом внезапно. Навстречу им были брошены все наличные силы, в том числе и личный состав учебного центра. Потом мне рассказывали, что среди наших бойцов были большие потери. Как сложилась судьба Ивана Титова, я не знаю. Ни одного письма от него я так и не получил.

В штабе 38-й армии я, не успев даже высказать свои пожелания, получил назначение в родную 199-ю стрелковую дивизию на должность помощника начальника оперативного отделения ее штаба и 29 мая был уже на месте. Но как здесь

все изменилось! Все командование новое: командир дивизии – полковник Василий Поликарпович Иванов, комиссар дивизии – полковой комиссар Илья Львович Басин, начальник штаба дивизии – полковник Федор Андреевич Веревкин, начальник оперативного отделения – майор Духов. Все они появились в соединении за последние три месяца. Никто из них меня не знал, поэтому и встретили без особой заинтересованности. Впрочем, это и понятно: в штабе дивизии я раньше не работал, ничем себя здесь еще не проявил, так что авторитет, уважение еще предстояло заслуживать трудом. Из «старичков» среди начальства остался только капитан Полевой – начальник разведотделения штаба дивизии. Но у него был очень расстроенный вид, и он сразу стал жаловаться, что командование требует захватить пленных, а взять их невозможно: передний край у немцев – сплошная проволока в несколько рядов, а между ними – минные поля.

Разрешили мне съездить в штаб 617-го полка. Приехал я туда верхом рано утром. Разыскал Сироткина. Он спал. Бесцеремонно разбудил его. Оба мы обрадовались нашей встрече, как малые ребята. И только Сироткин время от времени повторял одно и то же: «Как же ты в полк не вернулся?» На что я ему отвечал: «А ты добейся. Ты комполка. Добейся! Честное слово, буду рад».

Так закончилась моя служба в 617-м полку. И хотя я был в той же 199-й дивизии, в полку я появлялся редко, только когда возникала в этом необходимость.

Журнал «Инженерные изыскания» – лучшая площадка для вашей рекламы!

ВАША РЕКЛАМА

www.geomark.ru